

Иван Будист

Invider

Печати 3 и 4

Иван Будист
Invider. Печати 3 и 4

«Издательские решения»

Будист И.

Invider. Печати 3 и 4 / И. Будист — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830823-9

Перед вами продолжение приключений Полины, которой бросила вызов грозная и могущественная сила. Сможет ли девушка решить загадки, заданные ей коварным разумом? Ответит ли на вопросы печатей? Спасёт ли близких ей людей? Одолеет ли своего врага? И хватит ли у неё сил не поддаться отчаянию и страху? Не стоит оставаться равнодушным по отношению к ней, ведь на её месте может оказаться любой из нас.

ISBN 978-5-44-830823-9

© Будист И.
© Издательские решения

Содержание

Слова благодарности	6
Предисловие от автора	7
Город мастеров	8
Неожиданные Подробности	16
Собрание у Прохорова	24
Лесные страсти	34
Таинственный идол	41
Подготовка к инициации	47
Выход зверя	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Invider

Печати 3 и 4

Иван Будист

© Иван Будист, 2016

© Андрей (Jama) Кокорев, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-0823-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова благодарности

Хочу выразить благодарность Андрею Кокореву (Jama) и Алексею Щербе. Без их ценных советов эта книга никогда бы не появилась на свет. Особую благодарность хочу выразить Любви Евсюковой за помощь в работе над книгой.

Предисловие от автора

Я – шутник; это всё – небылица.

Город мастеров

...Бегут, бегут часы бытия. Осыпается прахом забытое прошлое, разрастается листвою бурное настоящее, надвигается грозой ненасытное будущее. С каждым мигот отсчитывается время героев, которые бросают вызов богам и мирозданию. Они спешат, спешат наперегонки с часами, чтобы влиться в стремительный бесконечный поток причин и следствий. Их путь тернист, расчёт трезв. Они спешат. Их ждёт разгадка тайны их существования. Ждёт награда. Поджидает поражение...

Что окажется в итоге? Полина и её верный друг спешат навстречу разгадке своей тайны. Смогут ли они преодолеть коварные замыслы могущественной враждебной силы? Смогут ли подобрать ключи к таинственным печатям? Что ж, давайте вместе узнаем это!

В окрестностях знаменитого города Иваново ещё в семидесятых годах восемнадцатого века задолго до появления самого «большого брата» возникла незаметная деревенька. В десяток домов, с небольшой церковкой (да, да, хоть и деревенька, а церковка своя есть), со своим базаром, а также с кузней, мельницей и скотным двором. Названием деревеньки с самого начала было Благое, да как-то со временем поизносилось, а после и вовсе позабылось. Беды и горести стороной обходили деревню, да так и перекочевала она из прошлого в будущее: из «крепости», сквозь вольнодумие, через колхоз, да в рыночное предпринимательство. А жили в том Благое наезде настоящие мастера: искусством да смекалкой своей знаменитые, на всё Золотое кольцо известные. А уж как сменили они полностью жизнь свою с городской на деревенскую, так и прозвали ту деревню не иначе, как уважительно городом мастеров. Это название надёжно закрепилось за тем местом, да и остаётся таковым по сей день.

Полина остановилась и вытерла платком пот со лба. Послеобеденное солнце жгло беспощадно. Газировка давно кончилась, ужасно хотелось пить. И ещё бы! Надо было додуматься, утолять жажду в такую дикую жару напитком известной на весь мир компании? Но понимание приходит с опытом, и девушка лишь печально вздыхала.

Руслан шёл чуть позади неё. Он стойко терпел страдания и молчал, но Полина больше терпеть не могла. Она уже готова была что-то сказать, как вдруг увидела вдалеке необычного человека.

Он двигался им навстречу. По мере того, как он приближался, мысли о воде немного отступали у Полины на второй план, а перед ними всё сильнее вырисовывался неподдельный интерес к этой колоритной фигуре. И надо признаться, тут было чему подивиться!

Заросший густой сизо-белой бородой, в нелепой белой панамке, в алой холщёвой рубахе, в ярких синих штанах и в настоящих лаптях (!) навстречу нашим героям шагал один из легендарной так называемой ивановской четвёрки. На боку у него висела плетёная корзина с ягодами черники, а в правой руке он нёс бидон, вероятно, с водой. Пронзительно голубые глаза этого человека выражали полную умиротворённость и, хотя и шурились от яркого солнца, смотрели на мир добро и ласково.

Звали его Фрол.

Полина сразу обратила внимание на бидон. Она уже представила, как с жадностью будет пить вкусную прохладную воду. Руслан, разумеется, тоже заметил Фрола и немного прибавил шага ему навстречу. Когда же они поравнялись, Полина поздоровалась первой:

– Добрый день! Вы нас извините, пожалуйста, но не дадите ли немножко попить? Сил нет, такая жарница... А кола закончилась...

Полина виновато помахала пустой бутылкой из-под газировки, поскольку воспитание не позволяло ей бросить её прямо в траву.

Фрол остановился. Он смерил взглядом Полину и Руслана, улыбнулся и произнёс полным душевной теплоты чуть окающим голосом:

– Откуда будете, люди добрые? Чай, в гости к нам наведались, али мимоходом? Так извольте. Мы люди, хотя и работающие, да шибко гостеприимные. Накормим, водицей ключевой напоим, остудим от пекла лютого. Меня Фролом кличут, а вас как?

Руслан и Полина представились в первый раз.

– Вот ты, мил человек, наш, сразу разумею, а у тебя, девица, имя-то не нашенское, не славянское... Немчура али из французов будешь?

Полина нахмурилась. Она вспомнила Тарбона, который уже говорил нечто подобное про её имя.

– Да что же я толку-то порожнее, сейчас же водицы и отведаете... – всполошился Фрол, протягивая Полине бидон. – Угощайтесь. Водича-то наша, ключевая, от матери-землицы, самый сок её вешний, слава тебе Господи, за дары и за угощение твоё от земли русской да щедрой, – игнорируя протянувшиеся руки Полины, Фрол поставил бидон на землю и принялся креститься.

Полина немного смутилась, но подняла бидон и сняла крышку. Внутри оказалось молоко.

– Здесь молоко... – пробормотала она, глядя, как Фрол крестится и кланяется то на одну, то на другую сторону.

– ...и за хлеб, что ты даёшь, и за воду, что льёшь, и за кров да смиренность, да на всё твоя воля!

Фрол ещё раз перекрестился и взглянул на Полину.

– Отчего же не пьёшь, девица красная? Вона, какая худющая. Так из тебя солнышко-то наше всю жизнь первым и выпьет, оглянуться не успеешь. Пей, кому говорят... – Фрол широко улыбнулся.

Руслан наблюдал всё это молча. С его точки зрения встретить здесь подобного старобитного мужика было, конечно, естественнее, чем, скажем, чернокожего репера с сигарой в зубах и золотыми цепями на шее. Полина взглянула на Руслана, тот ей кивнул, и девушка поднесла бидон ко рту.

Молоко оказалось невероятно вкусным. Вообще, Полина, как уже было ранее сказано, предпочитала молоко только дома и только по утрам. Но сейчас, среди раскалённого воздуха, этот напиток показался ей настоящим спасением. Следом за ней его отведал и Руслан.

– Мы в город мастеров идём, – пояснил он, когда закончил пить.

– В город мастеров! – Фрол глубоко вздохнул и снова улыбнулся. – Так тут недалече. Я сам оттудова буду, вот, как раз туда и направляюсь, к жёнушке своей... Да боюсь я, вот, что с городу великого она ещё не приехала, а тоскливо мне без неё, страх как! Вот, кузния-то и спасает, труд наш мастеровой, да дух православный!

С этими словами Фрол снова перекрестился.

– Вы ступайте за мною-то, ещё до верхнего солнца и поспеем.

Оказалось, что до города мастеров вела лесная тропа; она начинала от дороги почти в том месте, где путешественники оставили машину. Тропа заметно укорачивала путь, нежели объездная грунтовка. Не зная этого нюанса, наши герои немножко сбились с пути.

– А что, дед, много в деревне жителей? – спросил Руслан, когда они втроём направились уже верной дорогой.

– Окстись, мил человек, какой же я тебе дед? Мне всего-то сорок годков, – Фрол засмеялся.

«Ого, – подумала Полина, – у них тут что, с экологией не всё в порядке? Или, вправду, грибы с химикатами?»

Возраст Фрола казался Полине, если не в районе семидесяти, то около шестидесяти точно. Возможно, такой старящий эффект создавали борода и весь внешний вид этого странного мужика.

Руслан же первым почувствовал, что в поведении Фрола было что-то не так. А уж он-то повидал много необычных людей, читатель уже знает. Да ещё и эта путаница с водой-молоком... Но он решил сперва понаблюдать, прежде чем делать какие-то выводы. Его ясный ум советовал ему не гнать лошадей, а прислушиваться ко всему, что будет происходить вокруг. Об этом же ему напоминал и тот невероятный случай с женщиной по фамилии Грузь.

Шли недолго. Поначалу дорожка нырнула в заросли орешника, затем тропинкой углубилась в мрачный статный еловый бор, после чего вывела путников в пролесок из молодых осинок. А сквозь него уже показались срубы аккуратных домиков и яркий сверкающий купол небольшой церкви. Наконец, наши друзья вышли на узенький, золотистый искрящийся луг, подле которого уютно и разместился знаменитый город мастеров.

С первого взгляда «город» этот городом вовсе не показался. Несколько изб-срубов, церковь, мельница... Из-за холма поднимался дым и слышался звон металла, видимо, там стояла кузница. Сразу за «городом» начинался высокий сосновый бор, куда уходила еще одна узкая дорога. Когда наши путешественники подошли к церкви, Фрол, перекрестившись на храм, повернулся к ним, сказал:

– Ну вот, люди добрые, прибыли. Хлеб, соль отведайте, да с народом нашим трудовым познакомьтесь. Я вона в той избе живу, – он махнул рукой в сторону одного из срубов; оттуда уже выходила женщина лет тридцати, одетая в яркий сарафан. На голове у неё красовался цветастый платок.

– А вот и жёнушка моя, Авдотья! – Фрол широко заулыбался и расставил руки. – Господь милостив, отпустил из града верхнего пораньше!

Женщина неторопливо приближалась. Полина полагала увидеть на её лице такое же умиротворённо-радостное выражение, как и у Фрола, однако, подойдя ближе, женщина показалась Полине не то, что радостной, а, напротив, озабоченно-удивлённой. И только спустя мгновение Полина поняла, что во взгляде её читается скорее страшная усталость, нежели радость встречи.

– Здравствуйте, – поприветствовал подошедшую Руслан. – Мы туристы, из Москвы. Хотим побыть у вас какое-то время. Вы не против? Мы люди неприхотливые, нам осмотреться, на ваши достопримечательности полюбоваться... Ну... по расценкам, соответственно. Вообще, мы...

Но Фрол перебил его:

– Авдотьюшка, свет моя прелестница, не слушай ты разговор неладный! А мигом – гостям скатёрку накрой, да баньку истопи! Видишь, замаялись горемычные с дороги, да не в своей ступе толкут с такого-то зноя лютого! Ишь, солнышко-то как зарделось, весь мир, поди, во своем чреве испечь хочет.

Он ещё раз широко улынулся, поставил бидон с молоком на землю и кинулся обнимать свою жену.

Та молча приняла объятья, затем, когда Фрол отстранился от неё, посмотрела на Руслана, на Полину, сухо сказала:

– Добрый день. На сколько вы к нам?

– Ну... Руслан замялся. – На денёк-другой, не более. Нам надо... это...

– Нам надо ответы поискать на вопросы земные, – вдруг ляпнула Полина. Именно ляпнула, потому что сама не поняла, что и зачем сейчас сказала. Руслан, однако, нашёлся:

– Да, ответы. Как вы тут живёте, чем, так сказать, дышите...

– Эвона оно что! – Мечтательно протянул Фрол. – Молва-то об нашем городе мастеровом далече летит, уж и гости с первопрестольной к нам жаловать изволят! То-то радость!

Авдотья ещё раз оглядела гостей и коротко бросила:

– Ступайте за мной.

Она направилась в сторону одного из срубов, выделяющегося на фоне остальных своими весьма внушительными размерами. Видимо, это была гостиница.

Пройдя несколько метров, Авдотья, повернувшись к гостям, добавила:

– Кстати, будем знакомы. Меня зовут Дежнёва Светлана. А вас как?

Руслан и Полина, переглянувшись, представились во второй раз.

– Ясно, – протянула то ли Авдотья, то ли уже Светлана. – Идёмте, я вас оформлю в нашей внутренней гостинице. У нас сейчас как раз карантин заканчивается, никого нет. Из начальства один Семён Савельевич, да пара креативщиков... Через неделю уже ждём туристов, а пока – все апартаменты ваши. Нет-нет, вы не бойтесь, никакой заразной эпидемии у нас нет, так, санитарные нормы, профилактика, – она вздохнула. – А цены у нас невысокие. Добро пожаловать в город мастеров!

Полина немножко отстала от Фрола и его жены, и, задержав Руслана, тихо сказала:

– Тебе не кажется всё это странным? Что это он молоко с водой путает и жену не так называет?

– Показалось, Поли, показалось. Разберёмся. Пока я не вижу причин для беспокойства. В конце концов, тут, наверняка, проводят шоу и праздники, возможно, всё это, своего рода, часть программы...

Гостиница оказалась уютным трёхэтажным домом с несколькими скромными номерами и одним люксом. Гостям предложили обычный номер. Договорились остановиться на сутки. Светлана, она же Авдотья, вкратце рассказала об устройстве деревни. Работала она во время многочисленных номеров, выступая перед туристами и изображая быт и уклад старорусской семьи (собственно, Авдотья – и было её сценическое имя). Тем же занимался и её супруг Фрол (в обычной жизни Андрей), а кроме них ещё в общей сложности человек тридцать. Она ещё раз спросила у гостей цель их приезда. Руслан уточнил, что машина сломалась, поэтому пришли пешком, повстречав Фрола, но в целом легенда оставалась прежней: чисто спортивный интерес. Полина же везде чувствовала присутствие агентов Инвайдера и старалась вести себя, как можно более, скрытно. Правда... Если учесть то, что он общался с ней при отключённом сетевом кабеле и слышал её разговор с Машей, то какой в этом был толк, она сама не понимала. Наверное, работал какой-то инстинкт.

Светлана-Авдотья оказалась на время свободна (Фрол куда-то убежал) и предложила гостям после обустройства встретиться в столовой, чтобы рассказать им про это необычное место подробнее. Встречу, а заодно и лёгкий завтрак, назначили через пятнадцать минут, где Светлана-Авдотья принялась рассказывать гостям подробности.

Итак, стандартная программа пребывания в городе мастеров для туристов включала в себя следующие этапы. Во-первых, гостям показывали быт старорусских крестьян примерно XVII – XVIII веков. Для этого в деревне и находились деревянные срубы, абсолютно автономные: в них не было ни электричества, ни водопровода, ни стёкол (вместо них в окнах, как и полагается, были натянуты паюсные рыбы ткани), ни канализации, ни прочих удобств современной жизни. Зато имелись такие предметы, как печка, лучины, прядильня, ушаты, чугушки, горшки, лапти, упряжи, рыболовные сети, ручные жернова... Присутствовал печной угол со специальным брусом для кухонной утвари, отделенный яркой ситцевой занавеской, а также и красный угол с резным столом, во главе которого под сенью божницы с несколькими иконами и лампадкой должен был восседать большак – хозяин дома.

В четырёх таких домах работало по семье, исполняя роли типичных крестьян прошлых веков. Среди них была и семья Дежнёвых.

Помимо домов в деревне имелась ярмарка – несколько торговых рядов, где туристы могли приобрести как различные, бессмысленные сувениры, так и предметы быта и обихода, вполне себе даже функциональные.

Далее «по списку» шла мельница. Здешние крестьяне (то есть, всё те же актёры) собирали с небольшого поля рожь и пшеницу, затем на глазах у туристов производили из них муку. Очень даже натурально. За особую плату прямо из этой муки туристу на ужин подавался свежеспекоченный хлеб. Пекли его, разумеется, по всем традициям, в нескольких русских печах.

Кроме того, здесь находился действующий храм с очень уважаемым и авторитетным батюшкой Матвеем, великолепные русские бани (две «белых» и одна «чёрная»), зимой устраивали каток, а летом действовал аккуратный луговой пляж на берегу милого озера. Конечно, функционировал ресторан, построенный в духе боярской трапезной, а гостей обслуживали две гостиницы: одна внутренняя, небольшая, где и разместились Руслан с Полиной, и одна побольше, находившаяся в самом Иванове, откуда туристов привозили на автобусах.

Что касается различных мероприятий, то город мастеров предлагал рыбалку, охоту (для особенно увлекающихся стариной – при помощи луков, копий и сетей), различные состязания, кулачные бои, празднования славянских праздников вроде Масленицы или дня Ивана Купалы, а также проведения банкетов, юбилеев и свадеб. Словом, развлекательные аттракционы в старославянском духе функционировали на всю катушку.

Про знаменитые белые грибы Светлана-Авдотья обмолвилась лишь парой слов, что да, есть тут небольшая ферма, где их выращивают на продажу. И только.

Однако главным гвоздём всех здешних мероприятий и наиболее известной шоу-программой тут была кузня. Ведь само название «город мастеров» укрепилось за деревней именно благодаря кузнице, в которой в поте лица и не жалея сил трудились четверо кузнецов, настоящих, могучих, не знающих усталости и блажи. Они целыми днями работали за горном, куя и создавая главные артефакты этого развлекательного комплекса.

Тут Светлана-Авдотья замолчала, с грустью вздохнула.

– Одного вы уже видели, это мой муж. С остальными тоже можете познакомиться, думаю, они уже там, в своей кузнице...

Полина ответила:

– Как интересно! У вас тут, прямо, настоящая историческая реконструкция! Я никогда не была на таких мероприятиях. Скажите, а у вас всякие, там, Куликовские битвы и такое прочее проводят?

– Проводят, проводят! Мы тут даже медведя на Луну как-то запускали, один американец очень просил, – резкий мужской голос беспардонно вторгся в разговор, материализовался высоким стройным усатым мужчиной лет сорока пяти, одетым в джинсовку с многочисленными карманами, и серые пыльные штаны. Он только что вошёл в столовую. – Новые туристы?

Полине, глядя на него, показалось, что перед ней стоит классический матрос-большевик из старой детской «истории про революцию». Острые черты лица, аккуратные усы, строгий взгляд живых внимательных глаз – всё это напоминало иллюстрацию к какой-нибудь книжке вроде «Крейсер „Аврора“» или «В октябре семнадцатого». Не хватало только старой винтовки Мосина в руках.

– Мы не совсем по программе, – отозвался Руслан. – Просто, хотели посмотреть, что за место, да машина сломалась. Погорела проводка... Стоит тут неподалёку. А место у вас интересное. Вот бы ещё магазин автозапчастей нашёлся, – он засмеялся.

– На счёт магазина боюсь огорчить, а вот, что прибыли сюда, то – правильно сделали, – сказал мужчина. – Значит, будем знакомы? Меня Семёном зовут, но я предпочитаю, чтобы ко мне обращались не иначе как товарищ Прохоров (и вновь не откажешь Полине в интуиции!).

Руслан с Полиной представились в третий раз.

– Товарищ Прохоров, я могу идти? – спросила Светлана-Авдотья.

– Да, Света, идите. Готовьтесь к собранию, в четыре начнём. Да, это самое... – Прохоров покосился на гостей, но продолжил тем же тоном, – результаты проверки я уже знаю. Работаем в привычном режиме.

Женщина снова тяжело вздохнула и вышла из зала.

Прохоров же широко улыбнулся, сказал:

– Ну что же, друзья, мы тут с вами, похоже, одни. Я рад, что вы к нам, наконец, доехали.

– В каком смысле? – Не понял его Руслан.

– Дело в том, что я ждал вас. И вот – вы здесь!

Руслан в недоумении посмотрел на Полину:

– Как это ждали?

– Да вы не тушуйтесь, – успокаивающе произнёс Прохоров, садясь за стол. – Я всё понимаю, мы, конечно, вам никакие не конкуренты, но всё-таки одним и тем же зарабатываем на жизнь.

Тут Руслан начал догадываться, что происходит что-то непредвиденное, но предопределённое. Он решил подыграть Прохорову:

– Вы понимаете, товарищ Прохоров, мы хотели бы в тайне сохранить истинную цель нашего приезда... – он кинул быстрый взгляд на Полину. Та молча кивнула.

– Да, да, у нас есть свой резон, – проговорила она.

Прохоров покрутил головой, затем достал из кармана какую-то бумагу.

– Здесь и так всё сказано, – он протянул её Руслану, явно считая его главным.

Руслан взял в руки бланк с гербовой печатью и принялся про себя читать:

«Семён Савельевич, на днях к вам приедут двое моих помощников, парень и девушка. Оказывайте им всяческое содействие, расскажите про ваш комплекс, всё такое... Сами знаете. Они должны перенять ваш опыт для создания похожего аттракциона в Калужской области, но с ориентацией на средневековое рыцарство. Всё это проходит в рамках федеральной программы по борьбе молодёжи с наркотиками, для привлечения их в сферу спорта и увлечения историей. Только старайтесь раньше времени не оглашать истинную цель их приезда».

Записка была подписана депутатом Государственной думы, чьё имя автор, конечно, уточнять не станет.

Руслан медленно передал документ Полине со словами:

– Ну, что сказать, как-никак, а бесплатное проживание мы уже заслужили.

– Что вы, какая плата, – Прохоров замахал руками. – Светлана Борисовна просто не знала о вас. Высшее начальство сидит в Иванове, но оно уже в курсе. Так что вся задача по вашему курированию возложена исключительно на меня. Вы можете располагать мною по вашему усмотрению.

«Вот это да, – ошарашено думала Полина, прочитав письмо. – Ну и хитрец, ну и гад же! Он и здесь постарался... Кто же он такой, мать его так, кто же он всё-таки такой?!»

Ей в этот момент никак не приходило в голову, что письмо могло быть составлено кем-то другим, но не Инвайдером.

Руслан увидел, как та изменилась в лице:

– Товарищ Прохоров, нам в целом про ваш городок уже рассказали... Знаете, мы уже позавтракали, пойдём, отдохнём с дороги. А то устали сильно.

– Конечно, идите. Вот мой телефон... – он протянул Руслану заготовленную заранее бумажку с номером. – Как отдохнёте, звоните, ближе к четырём часам. У нас тут в конторе

будет собрание небольшое, к новому сезону готовимся. Вот и вы присоединяйтесь, послушаете, может, чего полезное почерпнёте. Сейчас два тридцать, как раз отдохнёте, можете, по деревне прогуляться.

– Хорошо, товарищ Прохоров, – ответил Руслан. – Мы тогда передохнём, может, и по вашей деревеньке походим, посмотрим. До четырёх управимся.

– Добро!

Руслан и Полина встали из-за стола и направились в свой номер. Прохоров проводил их до дверей, однако, весь его сдержанный вид показывал, что он не привык терять своего достоинства даже перед высокими гостями.

А пока Руслан и Полина, сидя в гостиничном номере, обсуждали и переваривали полученную от Прохорова информацию, полилась вода. Она журчала ручьём, огибая камешки с присевшими на них огромными караморами. Искрились на солнце брызги, дно ручья гуляло во все стороны, переливаясь причудливыми яркими бликами, которые будто дразнили своего космического папу. Рядом сидел человек и держал на вытянутой руке микрофон.

Но, если честно, случилось это за много недель до 17-го августа 2010-го года, когда в палату одной из частных клиник Москвы ворвался невысокий лысый человек в белом халате, и протянул журчащий ручьём мобильный телефон человеку другому, пациенту, лежащему на больничной койке.

Тот медленно взял устройство в костлявую руку, покрытую сухой морщинистой кожей, коротко спросил:

– Меня?

Доктор кивнул.

«Наверное, Славик», – подумал пациент, глядя на экран, сообщающий, что номер не определён. Он нажал кнопку с изображением зеленой телефонной трубки, журчание воды прекратилось.

– У аппарата! – сухо произнёс Митрич.

Неизвестный ему женский голос ответил:

– Здравствуйте. Мы с вами не знакомы, хотя я кое-что о вас уже знаю. Не бойтесь, я ваш друг. Не спрашивайте кто я и откуда, но миссия, которая на меня возложена самым непосредственным образом пересекается с вами. Точнее с одним знакомым вам человеком. Вы можете звать меня Лола. Я хочу с вами встретиться и обсудить детали нашей совместной работы. Сегодня же. В девять часов вечера. Исходя из моих предположений, вы уже вполне поправились. Запоминайте место, это в двух шагах от вашей клиники...

Старик слушал, молча запоминая, где он должен ждать незнакомку. Он пока ещё смутно понимал, кто это, и что ей нужно, но чувствовал, что это точно не розыгрыш. Когда Лола закончила объяснять место встречи, она задала вопрос:

– Я могу рассчитывать на вас?

Старик понимал, что уточнять её личность сейчас бессмысленно. И Фёдор Митяевич не был бы тем, кем он являлся, если бы начал задавать бессмысленные и нелепые вопросы о том, откуда Лола его знает, что ей от него надо, почему ей вообще известен телефонный номер доктора Беляева... ну, и так далее. Вместо этого он спросил:

– То, с чем нам придётся иметь дело, имеет земное происхождение?

– Увы, нет, – ответила Лола. – Именно поэтому не только госпожа Ковальчук, но и многие другие находятся в смертельной опасности.

– Я всё понял. – Сухо заключил Митрич.

– Тогда до встречи, – сказала Лола. Раздались гудки.

Митрич пару минут лежал, теребя в руках мобильный телефон доктора, пока Николай Вениаминович сам не зашёл в палату. Старик поднял на него свои пронзительные глаза, сказал:

– Коля, мне нужно будет отойти. На часок, тут рядом. Сообщи Сашке и Славику, пусть организуют машину. Это очень важно. И никаких «но».

Доктор Беляев ничего не ответил. Он знал, что спорить с этим стариком – не лучшее занятие в жизни.

Неожиданные Подробности

Руслан и Полина пытались понять, что им делать дальше. Они сидели на кроватях друг напротив друга и проводили мозговой штурм.

– Кончено, Поли, – говорил Руслан, – ни с какими депутатами я не знаком. Ты, я так понимаю, тоже. Если бы ты мне рассказала подробнее детали своей истории, я, может быть, что-то и понял. Но пока... Мне только ясно, что с тобой ведут серьёзную игру, и это письмо, конечно, их рук дело.

«Интересно, у Инвайдера есть руки, – подумала Полина. – Наверное, какие-нибудь мерзкие щупальца, заканчивающиеся клешнями!»

– Что касается этого Прохорова, – продолжал Руслан, – то, по-моему, неплохой дядька. Не смотря на высокое письмо, не стал лебезить и пресмыкаться, просто сухо и по факту поговорил, я люблю таких. Но нам придётся играть свои роли, раз они нам обозначены... Ты что-нибудь знаешь о рыцарстве?

Полина задумалась. Перед её внутренним взором предстала закованная в блестящие латы фигура, с красивыми перьями на шлеме. Она мчалась на своём коне, выставив вперед копьё, дабы пронзить им ненавистного соперника и завоевать сердце прекрасной принцессы, наблюдающей за поединком с балкона замка, с которого свисали флаги, украшенные гербами и родовыми знаками. А ещё принцесса бросала с балкона розы под копыта своего героя. Или не бросала?

– В общих чертах только. Я никогда этим не интересовалась...

– Я вот тоже... Но, в принципе, мы и не обязаны знать. Что, все помощники депутатов должны разбираться в этом вопросе? Вовсе нет.

– Тоже так думаю.

– Вот и славно. – Руслан закурил. Как бы извиняясь, добавил: – Окошко открыто, тяга хорошая...

– Бросал бы ты, а?

– Не хочется. Как надоест, брошу.

– Угу... А ещё врач.

– Я не совсем врач. Я медицинский работник.

– Ладно, не важно...

– Конечно. А знаешь, что важно?

– Что?

– А то. Что именно мы тут ищем в этом так называемом городе? Может, Поли, всё-таки расскажешь о своей проблеме? Глядишь, всё как-то упроститься... нет?

– Рус, ну извини, не могу... Тебе достаточно знать то, что я уже сказала... Пойми, это не только моя тайна...

Конечно, Полина сильно переживала из-за того, что не может рассказать всё своему другу, кинувшемуся без всяких проволочек ей помогать. Даже не смотря на то, что у него мог быть свой собственный интерес разобраться в странной истории с Грузь, всё равно Полина знала: Руслан – человек, на которого всегда можно положиться. Вот, как Маша, пожалуй!

– Я могу тебе лишь повторить, что уже говорила. Этот город мастеров – это второй ключ к разгадке одного слова... Или принципа. Или процесса... Тут не поймёшь. И есть ещё третий ключ – лесные жители...

– Ух... – Руслан выпустил длинную струю дыма. – Как всё запущено. Ну что же, ключ так ключ. Но что именно мы ищем?

– На основании того, что мы тут увидим, мы должны понять, что это за слово. Кроме того, похожая ситуация должна быть справедливой и для этих... профессоров чокнутых...

– Да, знатные чудаки, – Руслан засмеялся. – Такую пургу несут. Какие-то концы света, сигареты с судьбой... У нас на кафедре был такой, Парацельс нашего времени. Начитался какой-то ерунды и начал спорить со всеми преподавателями, что мол, во время диагностики инфекционного заболевания важно учитывать биоэнерго... Биоэнергoформ... Чёрт, я даже выговорить это не могу. Био-энерго-информационную ауру человека, во! Якобы вирусы создают какой-то резонанс и, если он совпадает с колебаниями этой ауры... Короче, шиза полная. Его, кстати, вовсе не отчислили, нет. Защитился, стал дипломированным специалистом... Ладно, эти физики-химики, не получится у них очередная супер-бомба, так и хорошо, а эти же, блин, людей лечить должны. Мрак... – Руслан глубоко затянулся.

– У них там компьютеры, наверное, ещё на перфокартах работают, – попробовала поддержать Руслана Полина.

– А вот тут, Поли, я бы их строго не судил, здесь им с супер-бомбой по дороге. Ты в курсе, что на стратегических подводных лодках запуск ядерных ракет можно осуществить при помощи ручного привода, а данные о целях снять с перфокарты?

– Нет... А зачем?

– Ну как зачем. Представь, что над портом рвануло пару сотен килотонн демократии. Электромагнитный импульс жжёт всю электронику, в том числе и ту, которая призвана запустить и нашу порцию доброго тепла на вражеские земли с твоей субмарины. Вот тогда-то капитан и отдаёт приказ о вскрытии запасной аналоговой системы запуска. Его первый помощник крутит ручку, запуская аварийный дизельный генератор, а второй – вставляет в отверстие перфокарту из ядерного чемоданчика. А дальше – дело техники.

– Бр-р, – поморщилась Полина, невольно вспоминая свои догадки во время разговора с Машей. – Надеюсь, до этого не дойдёт. А откуда ты это знаешь?

– Читал, – вяло ответил Руслан, выпустив длинный шлейф дыма.

– Да, прямо в тему концов света ремарка, – Полина вздохнула. Как бы то ни было, но эти концы света, скорее всего, и есть подсказка.

– Ну, допустим. А что общего с концом света найдём мы здесь? Может, начало света?

– Не знаю... Город мастеров... Тут есть какие-то кузнецы. Может, речь идёт о труде? Например, кузнецы трудом своим создают всякие мощные вещи, например, атомные бомбы, а потом наступает конец света... Не, галиматья какая-то.

– Это точно. Меня этот Фрол немного напряг. Действительно, странный он какой-то. Я понимаю, это его работа, но зачем строить из себя какого-то крестьянина перед нами, мы ж даже ещё и не заплатили ни за какое шоу?

– Возможно, они так хорошо тут вживаются в роль, что им это по кайфу?

– Что по кайфу?

– Вот так себя вести всё время. Лишняя тренировка опять же.

– Не знаю, не знаю... Ладно, надо действительно походить по этой деревне, осмотреться. Послушаем, понаблюдаем. Может, наткнёмся на что-нибудь интересное. А потом на собрание сходим, раз Прохоров позвал.

– Да, давай. А что нам ещё остается...

Солнце продолжало яростно палить. Вооружившись двумя бутылками с питьевой водой, наши герои направились по единственной улице этого, более похожего на деревню, города.

Они довольно быстро обошли все домики, миновали церковь, посмотрели издали на комплекс зданий грибных теплиц, в которых, вероятно, и выращивались те самые «ивановские белые», и потихоньку приближались к небольшому холму. Именно из-за него всё сильнее и звучнее доносился звон металла, а подойдя ещё ближе, наши друзья стали различать голоса, хором поющие веселую задорную песню.

Руслан и Полина приближались к знаменитой кузнице!

Будучи уже рядом с ней, они остановились в нерешительности. Под навесом, украшенным резным деревом, располагался горн, рядом с которым стояли три фигуры в белых рубахах, подпоясанных голубыми лентами и в серых, грязноватых фартуках, выглядывающих почему-то из-под этих рубах, а не наоборот. Один из них что-то зажимал здоровыми клещами, удерживая это «что-то» на наковальне, а двое других били, по-видимому, по этому «что-то» тяжёлыми молотами. Все трое стояли по отношению к подошедшим спинами, потому их и не замечали. Сквозь звон и грохот лилась звонкая мужская песня:

Во ку... во ку-узнице,
во ку... во ку-узнице,
во кузнице молодые кузнецы,
во кузнице молодые кузнецы.

Оне кую-ут, куют,
оне кую-ут, куют,
оне куют, приговаривают,
молотками приколачивают...

Руслан уже хотел было поздороваться, как вдруг из-за кузни выскочила четвертая фигура. В нём наши герои сразу же узнали Фрола. Он, как и до этого, пребывал в радостном расположении духа, всё также широко улыбался, щерясь на солнце:

– А, гости дорогие! Пожаловали к нам в кузню? Милости просим, проходите, тут вам хлеб да соль, да уважение.

Двое остальных, услышав эти слова, разом смолкли, обернулись. Третий замешкался, но сосед рывком развернул и его тоже.

Полина не удивилась, увидев, по сути, клонов Фрола. Различались они только бородами и телосложением. У крайнего слева здоровяка борода была густой, длинной и чёрной. У среднего, и по расположению и по телосложению, борода была длинной седой и тонкой. У крайнего справа тощего как жердь борода была чем-то средним, притом вся растрёпанная и тронутая сединой наполовину. В отличие от Фрола и двоих других этот носил на носу круглые старомодные очки. Всем троим на вид Полина дала бы где-то, пятьдесят.

И ей, и Руслану, показалось в их взглядах что-то отрешённое. Они смотрели без особого внимания, будто застыв на месте. Только Фрол всё улыбался и тараторил без остановки:

– А это, узрите, друзья мои закадычные, ремеслом своим гордые, да трудом поднаторевшие. Глава наш, свет Рудомысл, на все руки мастер (крайней слева кивнул), Златомир, до искусных дел охотник (средний кивнул), да Сысой, немногословный, но шибко смекалистый (крайний справа никак не отреагировал). Здесь наша кузня, наш дом родной, тут мы и трудимся во имя дела благого, не корысти ради, и не через холуйство, а по уму, да перед очами Господа нашего...

Все, кроме Сысои принялись креститься. Фрол продолжал:

– Смотрите, гости, вот кузня, мать наша, а сии мужи – дщерь её, то бишь сила богатырская, да праведная. Любым делом здесь мы и промышляем, на зависть антихриста, да во славу народа русского. Хоть и кошель пустой, зато дух – золотой, не отгять! Спаси Боже, да сохрани, да прими наши труды как воздаяние тебе за всё, что делаешь ты для нас.

Кузнецы вновь перекрестились.

Полине показалось, что Фрол заговорил сухо, механически, будто повторяя давно заученный текст. Но вот он осмотрелся, замер, и сказал уже обычным голосом:

– Брат, Рудомысл, покажем гостям, что даровал Создатель нам? Чем ниву мастерскую засеял, да какие всходы чрез нас миру явил?

Рудомысл, подался вперед и громовым басом пророкотал:

– Ковали мы сегодня без устали, огонь жёг нас нещадно, тридцать три потов сошло. Так полюбуйтесь же на венец трудов наших!

После этого он и средний чуть отстранились от наковальни, правый же остался стоять как вкопанный. Фрол быстро подошёл к нему и, схватив бесцеремонно за край рубахи, оттянул в сторону.

Полина в недоумении взглянула на Руслана. Тот тоже немного удивился. На наковальне, стоящей рядом с раскалённой и пышущей жаром печью лежало... ничего. Да, она определённо была пуста.

– А где... – начал, было, Руслан, но Фрол его перебил:

– Прекрасную вещь сварганили братцы, эх, любо-дорого посмотреть! И формой стройна, и цветом красива, и мила изяществом. Прекрасна как золото али парча, а то и выше всех этих благ мирских, ибо от сердца труженика сия грация отсовокуплена! Не обделяет Господь нас милостью своей, да и мы не робкого десятка, твёрдо на земле своей стоим, да труд свой прославляем!

– Кажется, он тут главный запевало, – тихо сказал Полине Руслан. – Такое ощущение, что это текст какого-то представления.

– Наверное, они репетируют, заодно решили над нами подшутить? – предположила в ответ Полина.

Вдруг очень громко и неожиданно подал голос средний, кого Фрол назвал Златомиром:

– Добро, собьем ведро: обручи под лавку, а доски в печь, так и не будет течь!

– Чего-чего, – переспросила Полина.

Но опять заговорил Фрол:

– Вы, гости любезные, в кузню-то проходите, осмотрите здесь всё. Мы вам всегда рады, знать, не забывает о нас народ русский, благодарен нам за труды наши.

«Шальные артисты, – вспомнила Полина. – Не они ли это? Уж очень странно себя ведут... Но, если это они, то, как мне найти у них ответ на вопрос печати? И что связывает тогда этих и тех, из института?»

Вслух она сказала:

– Конечно, с удовольствием. А что именно вы тут куёте?

Этот вопрос, как ни странно поверг кузнецов в ступор. Они начали молча переглядываться (за исключением Сысой, который так и продолжал стоять там, куда его отпихнул Фрол, и смотреть куда-то в одну точку). Наконец, Рудомысл пробасил:

– Барышня умна, спору нет. Но и мы люди – не промах. Трудом закалены, статью подпоясаны.

Эти слова мигом сняли оцепенение с Фрола, он бодро продолжал:

– А если какие горести нагрянут, то мы к своим жёнам бегом, аж пятки сверкают! А дома – щи знатные из капустки свежей, пироги с грибочками нашими же, варенье сказочное, да чудные покли, коих и в ином граде стольном с огнём не сыщешь! А после трапезы мы с моей Авдотьей как усядемся на лавке-то, да запоём наши песни родные, от которых тишь да гладь на душе, аки сам Христос своей дланью нас убаюкивает...

Фрол снова расплылся в широкой улыбке, его взгляд воплощал величайшее счастье, а может быть, даже нирвану. Снова внезапно активировался Златомир:

– Да уж! Захочет коза сена – будет у воза!

На этот раз поговорка показалась Полине более осмысленной и в тему вышесказанного.

Руслан же снова начал ощущать то самое чувство, что испытал уже при первой встрече с Фролом. А именно – знакомые ощущения, которые он не раз переживал у себя в медицинском центре, наблюдая людей, больных душевно...

– Так вы нас пропустите внутрь? – снова спросила Полина.

Рудомысл сделал шаг вперед, оценивающе оглядел Полину и пробасил:

– Всем гостям мы рады безмерно. Не хотите ли осмотреть кузню нашу? Дом наш знатный?

Тут уже и Полина почувствовала себя неуютно. Её обычное любопытство, наконец, отступило, она с тревогой посмотрела на Руслана.

– Лучше быть молотом, чем наковальней! Лучше быть молотом, чем наковальней! – Златомир дважды прокричал эту фразу, а затем вдруг пронзительно гаркнул: – Садись, два!

– По-моему, пора уходить, – шепнул Руслан. Он улыбнулся, развёл руками и хотел уже откланяться, как сзади раздался рёв мотора. Обернувшись, друзья увидели, как к ним быстро несётся автомобиль. Подъехав, он резко затормозил и оттуда буквально выскочил взволнованный Прохоров:

– Руслан, Полина! Вот, вы где! А я вас обыскался... Давайте, садитесь в машину, у нас скоро собрание начнётся.

Он волновался.

Молодые люди не заставили себя ждать и быстро залезли в УАЗ «Патриот» товарища Прохорова. Кузнецы же резко развернулись (Сысой продолжал стоять в прежней позе) и, как ни в чём не бывало, вернулись к своей работе: Фрол взял в руки щипцы и положил их на наковальню, а Рудомысл и Златомир принялись долбить по ней молотами. При этом они снова дружно запели:

Во ку... во ку-узнице,

во ку... во ку-узнице,
во кузнице молодые кузнецы,
во кузнице молодые кузнецы.

Оне кую-ут, куют,
оне кую-ут, куют,
оне куют, приговаривают,
молотками приколачивают...

Дальнейшие слова песни потонули в шуме мотора.

Ехали совсем недолго. Прохоров остановил свой внедорожник у одного из домиков, который, видимо, и был той самой конторой. Выйдя из машины, Руслан вопросительно посмотрел на Прохорова.

– Да... – махнул тот рукой. – Я не стал вам говорить, думал, они по домам разошлись. А оказывается, в кузне своей торчат...

– Товарищ Прохоров, что всё это значит? – спросила Полина. – Они какие-то странные...

Прохоров помолчал, переступая с ноги на ногу, затем нехотя ответил:

– Видите ли... Это старая история, мне не хотелось вас в неё посвящать. Всё-таки вы из Москвы, а с ними, ну, с кузнецами этими, точнее, с их семьями, у нас свои договорённости... В общем... Ладно, раз уж вы всё равно их встретили, придётся рассказать, мне-то один чёрт...

– Мы уже общались с Фролом, когда шли сюда, – заметил Руслан.

– Андрей самый вменяемый из них, так, выглядит просто забавным болтуном. А вот остальные...

– Так что с ними не так? Я, знаете ли, в медицинском учреждении работаю, и кажется, догадываюсь, в чём тут дело.

– Давайте отойдём в сторону от входа, – Прохоров направился к забору. Руслан и Полина последовали за ним.

– Понимаете, – уже на ходу начал Прохоров, – всё началось с той злополучной выставки. Как её... Русское ноу-хау, она называлась, что ли... В чью-то светлую голову из администрации Иванова пришла замечательная мысль: провести на территории города мастеров выставку всяких чудес. Научных и не очень. Этаким конкурс изобретений. Чтобы интерес народа к комплексу подогреть. Пустили рекламу, пригласили гостей. Приехали к нам разные изобретатели, будь они неладны... Развернули тут свои палатки, стенды установили. Кое-кто приехал со своим оборудованием. Одна из таких групп показывала здесь свою установку, как они выражались, повышающую удои скота. Какой-то баллон с трубками... ещё чёрти с чем... Жуткая такая штукавина. Но смотрелась захватывающе, да...

Прохоров на мгновение замолчал.

– У нас ведь большинство актёров – из города. Здесь они днём работают, а потом уезжают по домам. Но иногда и остаются, это, в принципе, на усмотрение каждого, администрация не против. Вот и в тот роковой день четверо актёров, что играли кузнецов, решили остаться. Повод у них какой-то был, хотели посидеть после выставки, выпить, я уж не помню... Их жёны, а так же все остальные, в том числе и гости, разъехались. Осталась только охрана, но они – лоботрясы ещё те, постоянно в своём домике сидят, он чуть поодаль от ярмарки стоит. А наши четверо как раз прямо в гостевой избе, рядом со складом этих... изобретателей.

И всё бы ничего, если бы ночью их поганая установка не дала течь. Потом уже только выяснилось, что газ, которым собирались повышать удои у бурёнок, оказался для человека

опаснейшим галлюциногеном, разрушающим мозги. Это в больших дозах. А в малых, он вызывает психическое расстройство, граничащее с шизофренией.

В ту ночь-то как раз малая доза и расплзлась по округе. Мы тогда этого ещё не знали, поутру всё как будто буднично, да только эти учёные засуетились, забежали, приборы какие-то доставать начали. Они, видно, засекли утечку, да только нам ничего не сказали, сволочи. Думали, обойдётся. Ну и ярмарка-выставка продолжалась. Через неделю она закончилась и все разъехались.

Андрей, Дима, Гена и Слава вели себя какое-то время нормально. Но всё чаще за ними стали наблюдать странности. То отрешённый взгляд, то какие-то несвойственные им действия, то непонятные слова. Затем все обратили внимание на их манеру одеваться: даже вне работы они продолжали носить свои костюмы, отказываясь их снимать. С близкими общались всё меньше и меньше, на выступлениях откровенно стали тупить... Тут уж мы забеспокоились, вызвали врачей. А те их осмотрели, и говорят: да они у вас, братцы, шизофреники, самые натуральные!

Прохоров замолчал.

– И что было потом, – осторожно спросила Полина.

– Да много чего. Ездили к этим шарлатанам в Кострому разбираться, а их уже, оказывается, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков накрыла. Газ-то их незаконный какой-то оказался. Мы решили не оглашать историю, посчитали, что им и так жизнь теперь попортят, вроде как квиты. Учёные, в дерьме мочёные... Ну а с кузнецами... Долго думали, решали. Так-то они безобидные, как показали наблюдения, мирные. Непосвящённый человек при близкой встрече, как вы, например, конечно может испугаться, но если их контролировать, давать им лекарства, и дозировано показывать зрителям, то никто ничего и не заподозрит. Тем более что они впоследствии стали активнее работать, все их номера заканчивались аншлагами. Фактически, стали визитной карточкой города... Может, оно, конечно, не совсем этично, но деньги-то в проект вложены, администрация давит, требует. А кузнецы так вжились в свои роли, что полностью поменялись своими личностями с теми, кого раньше играли. Разумеется, они проходят медицинский осмотр, вот, на днях был очередной, за ними ухаживают, так что всё в порядке. Но мы стараемся не афишировать эту историю. Я-то сам и не против всё это прекратить, да начальство сверху не даёт. Эх... Жён их жалко, тут уж ничего не попишешь, но им выплачивается двойная надбавка по инвалидности... Андрей ещё туда-сюда, весёлый такой. Фактически, он один всё шоу делает. Дима, Рудомысл то есть, у них вроде как главный, авторитет. Гена был раньше учителем в средней школе, русский и литературу преподавал. Но сейчас, кроме поговорок ничего не произносит. А вот Славка, так и вовсе... Одна оболочка осталась. Часами может стоять и ничего не делать, смотреть на стенку... – Прохоров тяжело вздохнул.

– Теперь всё понятно, – отозвалась Полина. – И то, как себя Светлана-Авдотья вела, и почему они по пустой наковальне долбили, и почему говорили так. Да... Везёт же мне на сумасшедших в последние дни.

– Да уж, поистине, кузнецы своего несчастья, – мрачно пошутил Руслан. – Вы, товарищ Прохоров, не беспокойтесь, мы об этой истории никому «там» не скажем.

– А я и не беспокоюсь, не моя голова полетит, если что. – Он глянул на солнце, сощурился. – Пойдёмте в контору, скоро наши креативщики подтягиваться будут. Вы только эту историю и сейчас не поднимайте, не надо, с нами Света будет... – И, разведя руками, он зашагал обратно к крыльцу здания.

Собрание у Прохорова

Контора, она же, дом товарища Прохорова, произвела на Руслана с Полиной приятное впечатление. Здесь было чисто, аккуратно и как-то по-особому стильно, даже, по-дизайнерски манерно. Прохоров, очевидно, был прилежным хозяином, за домом следил и старался произвести на гостей самое лучшее впечатление.

Пройдя из сеней в большую гостиную комнату, Полина с интересом стала разглядывать многочисленные грамоты, титулы и награды, развешанные по одной из стен. Они касались деятельности города мастеров, а Прохоров, как один из главных вдохновителей этого старорусского аттракциона, не постеснялся развесить всё это именно здесь. И, пожалуй, вполне заслуженно.

Прохоров сказал, что ожидаются четверо. Все они были массовики-сценаристы, или, как их называли на местном жаргоне, креативщики. Каждый заведовал своим сегментом общего шоу и нёс за него ответственность. Кроме них в городе мастеров работали ещё ряд деятелей искусств, но они пока не вернулись из отпусков.

– Одну вы уже знаете, это Светлана. Альберт Захарович у нас работает по теме социума и антропологии, Юра – местный хипарь, любитель природы и всякого фольклора: домовых, кикимор, леших, и всего того, что будоражит ум посетителей, склонных к мистическому созерцанию мира. Называйте его Морфиусом, это его прозвище. А ещё таких называют грибными эльфами, я не помню уже, почему.

– А кто же четвёртый, – поинтересовался Руслан.

– О! Это интересная личность. Думаю, вам полезно будет с ним познакомиться.

«Уж надеюсь, хотя бы этот не окажется психом, – подумала Полина. – Может, он и есть второй ключ чёртовой третьей печати?»

Вслух же она сказала:

– А кто это?

– Вы не поверите. Это американец.

– Тот, который медведя на Луну запуская? – засмеялся Руслан.

– Нет, тот из Детройта был, турист, а этот – из Мексики. Мексиканский еврей-русофил.

– Что? – удивился Руслан. – Это как?

– А так. Родился в Мексике в еврейской семье. Его родители переехали туда из Германии по какой-то программе Бней-Брита... Я точно не знаю. Осели, завели хозяйство, ферму построили. Да на беду сынок увлёкся славянской культурой, да так сильно, что захотел переселиться в Россию.

– А что такое Бней-Брит? – спросила Полина.

– Да какая-то мировая еврейская ассоциация... Вроде как в неё входят крупнейшие капиталисты, финансисты... Чёрт её знает. Но наш герой, как ни странно, взял, да и приехал к нам. Да так тут и остался.

– А как его зовут? – Полине вдруг стало очень интересно увидеть этого странного человека.

– Жидальго.

– Странноватое имя... Звучит как-то...

– А так он всем и представляется. Никто не вдавался в этимологию слова, но, видимо, в ней сочетаются разные культуры. Он человек поистине уникальный. Обустроил тут целое ранчо. Разводит коров, ходит в ковбойской шляпе, выращивает кукурузу. Ха, имеет дома уникальную коллекцию фарфоровых матрёшек – всех руководителей Израиля. Говорит, ему на заказ делают. Регулярно. Под гжель. Кстати, русский язык знает неплохо. Правда, понимает хорошо, а вот говорит на нём неважно.

Полина задумалась. Опять начинается какая-то несусветица. Какой-то мексиканский еврей-ковбой, увлекающийся русскими традициями. Что за абракадабра? Это что, тоже шутки от Инвайдера? Почему тогда на его месте не устроить полнейший гротеск и не довести ситуацию до полного абсурда? Например, поселить тут африканца, наделить его самурайскими качествами, привить жёсткое протестантство в духе квакеров Кении или Северной Америки и приправить страстью к нордической культуре. Да. И ещё добавить порцию здорового ваххабизма. А лучше, вообще сделать поклонником макаронного монстра. А то, что это – мексиканский еврей?

– А чем занимается Жидальго, кроме креатива? – спросила она. – Тоже работает у вас в шоу-программах?

– Вообще, он фермер и как бы сам по себе. К проекту имеет лишь поверхностное отношение. У него тут стадо коров, овцы, свиньи. Я уж молчу про всяких кур и кроликов. Так что он, скорее, по снабжению питанием у нас главный. Конечно, не один работает, мужиков нанимает, платит им. Но хозяйство сам держит, никого не допускает. Этаким уголок Мексики в России. А шоу-программа есть, «Восток-запад» называется. Он её формально и курирует на правах главного креативщика по данной теме. Мы его за колорит-то, в основном, и держим.

– А чего он тут забыл? Уезжал бы в свой Израиль, – заметил Руслан.

– Я ж говорю, он славянофил. Увлекается нашей культурой, всякие старорусские монеты собирает, матрёшки, балалайки, одежду национальную шьёт. Вот такой вот парадокс. Его у нас ещё называют человеком трёх культур. А какие он блины печёт, у-у-у! Это что-то. На Масленицу мы ему отдельный шатёр устраиваем, где он целую блинную фабрику открывает. С чем только не делает: и с икрой, и с лососем, и со сметаной, с черникой, с мёдом... А чего стоит его, так называемый, комбо-блин! Да, местный термин. Он печёт длинный блин, а в него заворачивает по очереди несколько порций разного варенья, причём так, что каждое плавно переходит в следующее. Когда его ешь, кажется, что перед вами проходит целый ягодный хоровод, целый букет из разного вкуса и аромата! Вы не поверите! Вкуснотища!

Полине показалось, что Прохоров прямо сейчас откусил от одного такого блина, ибо лицо его осветилось лучистым счастьем, а голос стал удивительно добрым и полным таинственной загадки... Пользуясь этой паузой, она незаметно проскользнула в коридор, который, по её мнению мог вести на кухню, мимо туалета, ибо сантехнические узлы обычно стараются располагать поближе друг к другу, будь то панельный дом, будь – загородный, бревенчатый. Догадка её не подвела, и она быстро оказалась в небольшой комнатке с тремя дверьми (ванная-комната, кухня, собственно, туалетная комната). Но тут её внимание привлёк какой-то крупный предмет, стоящий на высокой тумбе, накрытый чёрной тканью. И этот предмет как-то недобро гудел и неприятно пах.

Сначала Полина подумала, что это какой-нибудь агрегат для нагрева воды. Она уже хотела открыть дверь с картинкой писающего мальчика, но известное нам её любопытство, как обычно, взяло верх над осторожностью. Она взялась за край материи и откинула её.

Громко вскрикнув, Полина отскочила назад. То, что она приняла за некий агрегат, оказалось сетчатым ящиком, похожим на вольер для мелких животных. Внутри него находилось нечто крупное и серое, и сейчас это образование приходило в движение. Попавший внутрь ящика свет, а также вибрация от действий Полины, заставили обитателей этого вольера глубоко возмутиться. И, надо сказать, Полина испугалась их небеспочвенно: открывшееся её взору нутро ящика кишело огромными шершнями!

Тут же вбежал Прохоров с небольшим баллончиком в руках. Однако, не заметив опасности, он лишь улыбнулся:

– Что, Полина, не ожидали? Не бойтесь, сетка мелкая, они сквозь неё не прорвутся.

– Что это? – только и смогла выдавить из себя Полина. Жужжание насекомых стало столь громким, что Прохоров накинул тряпку обратно.

– Да, понимаете, хобби у меня такое. Люблю наблюдать за ними. Я, когда на них смотрю, думаю лучше. Мне мысли разные в голову приходят, о новых конкурсах, например, или, шоу-программах... Вдохновляюсь, так сказать.

– Да... – протянула Полина. – А не боитесь, что они всё-таки вырвутся?

– Кто? – спросил вошедший в комнатку Руслан.

– Не вырвутся, – решительно отрезал Прохоров. – На правах низшей формы жизни, они будут сидеть в этом ящике, пока я так желаю. Тем более что еду им даю я, свет тоже. Они не жалуются.

Он подмигнул Руслану и направился обратно в гостиную.

– Там шершни! – возбуждённо сказала Полина.

– И что?

– Не знаю... Странно как-то. Я понимаю, дома собак держат, кошек... Ну, рыбок...

А тут...

– Ой, Поли, не удивляйся, – Руслан украдкой бросил взгляд в гостиную, затем отогнул краешек материи, посмотрел в ящик, накинул его обратно и продолжил: – Мой сокурсник рассказывал, что папаша его девушки дома крокодила завёл. Так тот чуть их всех не сожрал, когда подрос, пришлось, в зоопарк отдавать. Или ещё, там, в какую поликлинику, на опыты... Правда, папаша таки лишился нескольких пальцев. Так что, шершни – это ещё не самое терминальное, нет...

– Зачем люди заводят таких зверей, – недоумённо произнесла Полина, всё ещё поглядывая на гудящий ящик.

– Считают себя умниками. А всяких там Дарвиновых и Павловых – дурачками. И что примечательно в этих историях, так это то, что теории этих «дурачков» работают в обоих направлениях, как в отношении самих животных, так и в отношении приютивших их хозяев. Естественный отбор в действии...

Вскоре начали подтягиваться «начальники». Первым пришёл Альберт Захарович, низенький полный пожилой человек, с рыхлым бледным лицом, круглой лысиной и тонкими круглыми очками на пухлом носу. Он долго здоровался, жал всем руки и почему-то извинялся.

Второй пришла Светлана-Авдотья, всё такая же мрачная и невесёлая, и Полине стало искренне жаль её. Только сейчас, глядя на эту уставшую женщину, она поняла, какое это бремя – жить с мужем-психом, да ещё и зависеть от этого.

Третьим явился Жидальго. И тут было на что посмотреть! Полина смогла хорошо изучить внешность нового персонажа её истории. Худой высокий мужчина лет сорока, с острыми чертами лица, усов и бороды не носил, зато в глаза сразу бросились длинные чёрные пейсы, развевающиеся из-под широкой ковбойской шляпы и копна чёрных волос, собранных сзади в хвост. Кроме того, к шляпе были приделаны цветные ленточки, а на тулье, будто кокарда, красовался вышитый из цветного бисера орёл. Одет Жидальго был в красную клетчатую рубашку, кожаную жилетку, синие джинсы и высокие ковбойские сапоги, заканчивающиеся шпорами. Держался он бодро, уверенно, в одной руке сжимая кожаную сумку, тоже расшитую бисером, а в другой – потушенную сигару.

«Вот это колорит, – подумала Полина. – Его бы Марни показать, чтобы она сказала? Что-нибудь вроде „вау, полный фэшн!“, не иначе».

Последним пришёл Юра, или, как его называл и просил называть Прохоров, Морфиус. Это был молодой человек лет двадцати пяти, с густой черной бородой и усами, но притом с очень моложавыми чертами лица, одетый в простую белую футболку и невыразительные синие штаны. На шее он носил крупный металлический кулон на верёвочке с изображением

символа пацифистов. Всем этим он производил впечатление классического хиппи. Увидев Полину, он, как показалось девушке, задержал на ней взгляд, но она списала это на свою привлекательность.

Тем временем в гостиной уже был готов накрытый стол с угощением. Собрание, как сказал Прохоров, должно было пройти в неформальном режиме как подготовка к собранию официальному.

– Итак, – начал Прохоров, когда все собравшиеся сидели за столом. – Заканчивается летний период, время подведения итогов и планов на будущее. С осенью поток туристов, конечно, уменьшится, но, во-первых, лето сами знаете, какое выдалось, так что тут ещё бабушка надвое сказала, а во-вторых, сентябрь – это, как раз, то время, когда надо планировать новую работу и готовиться к зимнему сезону. Но сперва – пару слов о наших гостях из Москвы. Они интересуются нашей работой, поскольку сами участвуют в организации подобной программы в Калужской области (Руслан сглотнул, вспомнив, что Полина оговорила Светлане-Авдотье, будто нечего не смыслит в реконструкции, но та, похоже, этого уже не помнила). Вы уже успели познакомиться, но позвольте вам представить их официально.

Руслан и Полина представились в четвёртый раз – как бы официально.

– Их тема – средневековое рыцарство. Но опыта, как я понимаю, у них немного, поэтому пусть послушают нас, им будет полезно.

Гости одобрительно закивали.

– Так. Теперь давайте пройдемся по нашим насущным вопросам...

– Я извиняюсь, Семён Савельевич (это сказал единственный по наблюдению Руслана и Полины человек, который обращался к Прохорову по имени-отчеству и делал это, похоже, абсолютно безнаказанно), – Может быть, мы сперва, извиняюсь, выпьем по одной? Для, так сказать, душевного настроения?

– Для душевного настроения, Альберт Захарович, можно, – заметил Прохоров. Он принялся разливать по рюмкам клюквенную настойку. Руслан отказался, а Полина попросила «чуть-чуть».

– Я есть думать, что хороший подарок из El Paso, от... my friend. Это вам не Duty Free, это есть настоящий. Не Jalisco, конечно же, но тоже очень мягок на вкус! – с этими словами Жидальго достал из своей сумки бутылку, по-видимому, с текилой. Внутри неё плавала жирная зелёная гусеница. – Насекомое кушать это... как... не обязательно! – Жидальго засмеялся.

– О-о, вот это, извиняюсь, вещь, – протянул Альберт Захарович, одобрительно зацокав языком.

– Хорошо, хорошо, кому текилы, обслужите себя сами, – сказал Прохоров. – Итак. Выпьем за окончание сезона, проводим его, так сказать. Лето было жаркое, работа трудная, но мы справились с бюджетом. А теперь, – он лукаво улыбнулся и несколько секунд помолчал, выжидая интригующую паузу. – А теперь скажу то, о чём вы все меня давно хотите спросить. Летняя премия будет выплачена всем в полном объёме!

– Вау! – громко воскликнул Жидальго. – Какой хороший новость!

Все радостно загудели и принялись «чокаться».

Полине опять показалось, что Морфиус пялится на неё. Поймав его взгляд, Полина чуть сощурила глаза. Морфиус тут же посмотрел в тарелку, делая вид, что занят закуской.

«Чего он тарачится на меня, девчонок, что ли здесь нет?»

Там временем, Прохоров пустился в рассуждения о смете, о том, кто покинул их коллектив, о новых сотрудниках, о пожеланиях начальства, об амортизации, о том, что в гостевой избе не мешает сделать ремонт, что грибной теплице нужен новый специальный грунт, что в мельнице прохудилась крыша, что автопарку требуется новый непьющий механик, что

у «Михал Борисыча» родился сын и надо бы скинуться на подарок, и обо многих других мелких и не очень проблемах и событиях. Наконец, он подвёл общий итог, что всё, в общем-то хорошо, и что пора услышать от товарищей креативщиков их предложения на новый сезон.

Первым попросил слово Морфиус.

– Я предлагаю этой осенью устроить лесные игры. Так вот. Мы оборудуем ряд площадок с конкурсами, рассчитанными на командное прохождение. Все они лежат в интернете, нам только надо заточить их под русский фольклор. По сути это копия с корпоративных тимбилдинг-игр. В заключении – призы, всякие маечки-значки. Фуршет. Кроме того, предлагаю программу «лесные страсти». Для ищущих острых ощущений смоделируем поход малыми группами в лес с нечистой силой. Я всё продумал. Так вот. Пугать туристов будут наши люди, причём лес нужно будет заранее оборудовать специальными ловушками. Смотрели «Ведьму из Блэр»? Вот в таком духе. Среди туристов обязательно будут подставные актёры, которые в момент накала страстей будут сбегать и бросать наших подопечных один на один с нечистой! Всё будет фиксироваться на скрытые камеры. Успех, считаю, гарантирован.

Прохоров сделал какие-то заметки в блокноте.

– Юр, идея интересная, хотя и старовата, но если ты предоставишь по ней детальный план со всеми расходами, то можно будет озвучить на общем собрании. Только сразу вопрос: где ты тут найдёшь глухие места с нечистой силой, тут отовсюду то вой машин с шоссе, то рокот самолётов, то грохот от поездов. Вся твоя нечистая сила разбежится.

– Ничего, ничего, товарищ Прохоров, у страха, как известно, глаза велики. Запугаем!

– А скрытые камеры? Ночная выдержка, там... источники энергии для них. Это же всё не так просто...

– Сделаем. Я, когда на Тайване был, там в джунглях нечто подобное устраивали. Я ж не просто так говорю. Всё продумаем, товарищ Прохоров!

– Ну, хорошо. Готовь план, Юра. Заодно сделай поправку на людей со слабыми сердечками, а то потом исков в суд не разгребём...

Жидадьго предложил шоу под названием «Клюква по-русски». Говорил он не очень хорошо, поэтому не стоит приводить здесь угарную смесь американизированного английского языка, сдобренного испанским акцентом, с плохим русским. Суть его предложения сводилась к тому, чтобы построить отдельный музей со всеми мыслимыми стереотипами о России, в которые верят, в первую очередь, американцы. То есть, контент такого музея должен состоять процентов на сто из таких экспонатов как, например, медведь, одетый в шапку-ушанку, сидящий за пультом с красной кнопкой, пьющий водку из горлышка и играющий при этом на балалайке.

– Амиго, ты это предложение вносишь каждый год, – посетовал Прохоров.

– И чего же? Радио-на-ли-за-ци-я. Это есть то, что любят *american guys, just and fun!* И ваши... тоже это любить, смеяться. Не вижу проблем.

– Хорошо, хорошо... Только вот твоих соотечественников тут не так много бывает.

– Я не есть американский подданный, я есть *from Mexico*.

– Я знаю, я образно...

Прохоров взглянул на Светлану-Авдотью:

– Света, что вы предложите?

Женщина опять тяжело вздохнула (Полине начало казаться, что она вообще дышит только таким вот образом), ответила:

– У меня пока нет идей. Я думала... Может быть, как-то разнообразить охоту? У нас же нет заказных зверей, мы могли бы организовать подставные охоты для vip-клиентов.

– Заказ животных дорого обойдётся. Я уже сам думал. К тому же содержание. А если это опасный хищник и он вырвется из зоны охоты? Нет, это очень спорная тема...

Светлана-Авдотья замолчала и явно не хотела продолжать разговор.

– Ну... ладно. – Прохоров посмотрел на Альберта Захаровича:

– Ну а что скажешь ты, Алик?

Альберт Захарович преобразился в лице. После выпитой текилы он покраснел, и, как показалось Полине, стал более раскованным. Он медленно поднялся из-за стола, окинул всех интригующим взглядом и начал говорить:

– Есть, Семён Савельевич. Есть одна идея. Отличная! Может быть, извиняюсь, дороговатая, но окупаемая. Такого нет ни у кого! Я разработал идею антропологического парка! Антропопарк!

– Чего? – не понял Прохоров. – Как это?

– А так! – Альберт Захарович активно жестикулировал. – Мы строим ряд клеток и вольеров. Но не для зверей, нет! Мы оборудуем их согласно культурам и обычаям тех народов, представители которых будут в них находиться. Допустим, перед нами клетка, извиняюсь, для чукчей. Тут все понятно. Стоит яранга, лежит искусственный снег. Актёры – лица восточной национальности. Думаю, стоит заселять парами – одна мужская особь и одна женская, то есть, простите, мужчина и женщина. Переговариваться они будут на своём языке, текст простой, выучат, фразы одни и те же, не сложные. Кормиться будут, извиняюсь, как и в естественной среде обитания: рыбой, олениной, тюленьим жиром. Показательно будут закапывать в землю мясо, чтобы потом употребить его, как это делают на севере, в уже немного подгнившем виде. Ну и быт, конечно же! Вы, извиняюсь, были в зоопарке, представляете, как это будет... Яранга будет, условно сказать, распилена на одну треть, и зритель будет видеть, как в ней живут чукчи, как ведут хозяйство, как развлекаются, как, извиняюсь, спариваются... И экран такой большой, чтобы северное сияние показывал!

Прохоров нахмурился.

– Ну, извиняюсь, последнее, конечно, не обязательно. Я не про сияние, а про, извиняюсь, ну это самое... А вот по соседству, например, будет жить семья из Грузии. На заднем плане мы нарисуем горы, рядом с их домиком из камня посадим виноград. Они будут пить вино из глиняных бутылок, петь грузинские песни, есть лобио с чурчелой, плясать, извиняюсь, лезгинку... Кстати, все представители, разумеется, должны быть одеты в национальные костюмы, без этого, извиняюсь, никак, никак! А вот, скажем, семья англо-саксов. Богатая квартира, извините, красивые красные обои с вензелями, мягкие кресла. В них сидят холёные люди, закутанные в клетчатые пледы, он курит сигару и читает «Ведомости географического общества», она вяжет тёплые носки при помощи длинных спиц. Внизу котик играет с клубком шерсти. За окном вид на Лондон, извиняюсь, на Биг-Бен, можно за пределами квартиры поставить установку для полива воды, делающей постоянный дождь. А ещё, извиняюсь, камин, какая же уважающая себя лондонская семья будет жить в доме без камина, а?

Альберт Захарович, сам того не замечая, говорил всё громче и громче, а его руки как-то сами по себе жестикулировали всё более и более выразительно.

– Да мы с таким аттракционом всех, извиняюсь, уделаем! Ни в одной стране мира такого ещё нет! Мы построим сотни таких вольеров, наймём первоклассных актёров, создадим для них все условия, хорошую оплату, бонусы! Все узнают, как живут люди там-то или там, мы даже можем благодаря этому антропопарку показать, как живут бедные слои населения в какой-нибудь, там, Замунде или ещё в какой, извиняюсь, дыре! Нас будут посещать школьники, им это полезно, полезно, развиваться так всеобщее, да, а главное, главное! Никаких лицензий, которые необходимо оформлять на скот, никаких прививок! Работать с человеческим, извиняюсь, материалом гораздо проще и дешевле! И я уверен, люди сами будут проситься, чтобы устроиться работать в наш антропопарк! А потом, когда проект точно раскрутится, мы сможем уже нанимать массовку и устраивать исторические сражения, например, смоделировать вражду на религиозной или национальной почве, стравить,

скажем, армян и турок, ну, не стравить, извиняюсь, а смоделировать конфликт между этими народами. Такого шоу ещё не было, я гарантирую абсолютный и немалый доход от него!

Альберт Захарович тяжело дышал. Он вспотел и принялся махать на себя сложенной салфеткой.

Прохоров от удивления вытаращил глаза, и некоторое время не знал, что сказать. Руслан силился, чтобы не прыснуть от смеха, а Полина застыла с вилкой, так и не донеся до рта кусочек консервированной селёдки.

– Что скажешь, Семён Савельевич? – Альберт Захарович грузно рухнул на стул.

– Я... Я... Я думаю, Алик, что это очень смелое предложение, – пришёл в себя Прохоров. – Но ты понимаешь, что люди могут, э-э... неоднозначно отнестись к этому?

Руслан наклонился к Полине и тихо прошептал:

– Интересно, а сетка вольеров будет под током?

Альберт Захарович возмущённо развёл руками:

– Почему же неоднозначно? Мы нанимаем актёров, платим им за это заработную плату, что ж тут, извиняюсь, неоднозначного?

– Да как-то... – Прохоров понимал, что идея немного безумная, но ему явно не хватало слов для аргументации. – Идея очень смелая и я полагаю...

Но тут послышался скрип открываемой двери, ворчание, затем грохот и матерная брань. Потом что-то с гулким звуком ухнуло и зазвенело, будто завибрировал кусок тонкого металла. Все ощутили вибрацию, сотрясшую дощатый пол. Снова раздалась ругань. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился неопрятного вида дед в старом расстегнутом засаленном бушлате, надетом прямо поверх рваной майки-матроски. От него беспощадно и неотвратимо разлило потом и перегаром.

– Прохор, я тебе крота вернул, – сказал он на удивление чистым и звонким голосом. – Там, в сених. Здорово, Захарыч!

– Спасибо, Чичи. – Прохоров привстал и пожал деду грязную руку с длинными чёрными ногтями. Впрочем, смотрел он на него серьёзно и явно неодобрительно. – Как сам-то?

– Норма-а-ально! – ощерился дед. – Сейчас пойду к Фадею, он мне ещё с прошлой пятницы пузырь должен.

– Ты это, особо не налегай-то! Я вижу, ты уже на кочерге. А завтра у нас уже туристы будут, сам знаешь откуда.

– Да видал я этих туристов-хренистов... – Дед замер, что-то подсчитывая в уме. – Фадей, наверное, сейчас на выезде...

Он ещё постоял секунд пять, затем покосился на бутылки, красовавшиеся на столе. Прохоров сразу понял его взгляд:

– Это для гостей. Иди, давай, к своему Фадею.

Дед что-то проворчал, вздохнул и направился к выходу. Когда входная дверь хлопнула, Полина спросила:

– Кто это?

– Да это наш сторож, Чичибалой зовут. Сокращённо Чичи. Работает на полставки.

Когда трезвый, то весьма приятный в общении человек.

– А чего он в бушлате, – поинтересовался Руслан, – жара-то какая?

– А он всегда в нём.

– Какое странное имя... – Полина посмотрела на Руслана.

– Да нет, имя-то у него вполне простое, Алексей. А Чичибала – прозвище.

– Всё равно странное какое-то.

– Оно за ним после определенного случая закрепилось. – Прохорову явно стало полегче: смена разговора после жутковатого предложения Альберта Захаровича была как нельзя кстати. – Приезжал как-то к нам в девяностых в Благое один новый русский. Хотел тут

землю у местных выкупить и что-то на ней построить, я уж не помню, чего именно. Да при нём собака лютая имелась, породы какой-то бесовской... Она кошку здешнюю и задрала. А у той как раз только котята народились. Вот Алексей и взял их себе домой, да поскольку, фантазией он не отличался никогда, то назвал котят не мудрствуя: Чичи и Бала. Потом коты выросли, да нрав у них дикий оказался: постоянно по всей округе бегали, других котов гоняли. Может изначально такими уродились, может, трагедия с мамкой так на них повлияла... Ну и он каждый вечер выходил на крыльцо, да на всю деревню орал: «Чичи! Бала! Чичи! Бала! А ну быстро домой, б... такие!» А голос у него, сами слышали, какой звонкий. Эх, ему бы в музыкальное училище пойти в своё время, или в филармонию... Тенором, или как там это называется... И ведь возможности были. Да всё из-за лени да пьянства упустил... Словом, так его все и прозвали Чичибалой. А вообще, хотя и не люблю маргинальные понятия, но таких ещё бичами кличут. Бывший интеллигентный человек, значит...

– Ясно... – Полина улыбнулась, но сразу же стала серьёзной. – Кошку только жалко. А что, этот урод, купил землю?

Прохоров наколол на вилку тот самый прославленный ивановский гриб, отправил его в рот, принялся жевать:

– Ну... говорили... говорили, что он так тут ничего и не купил. То ли какой-то местный бандит ему отказал, то ли просто не срослось, то ли он и сам передумал... Потом до нас дошли слухи, что раскрутился он в Иванове хорошо, торговал компьютерами, тогда спрос на них был. А потом его убили.

– Как убили?

– А так, времена-то лихие были. Взорвали его прямо в собственной же машине вместе с женой и ребёнком. Всех троих разом. По местному нашему тогда показывали, помню. Диктор сказал, будто точно так же взорвали генерала Пратса. Кто это такой, правда, я не знаю, но почему-то запомнил...

Полина промолчала. Имя генерала показалось ей знакомым, но она не стала ломать голову над тем, кто же это такой, и где она о нём могла слышать.

– Так что решили на счёт антропорарка, Семён Савельевич? – Альберт Захарович уже успокоился и выглядел, как и в начале собрания тихим и рыхлым.

– Я записал, – сухо ответил Прохоров. – Я подумую.

– Ну, подумайте, подумайте. Я, извиняюсь, долго этот план вынашивал. У меня все расписано. И зарисовки есть. Так что, обязательно подумайте.

Прохоров кивнул, что-то и вправду записывая в своём блокноте.

Затем собрание начало плавно переходить в обычное застолье. Жидальго стал жаловаться на перебои с кормом для коров, Светлана-Авдотья рассказала о новых экскурсионных тарифах, явно завышенных для их туров, сам Прохоров обнадёживал всех новыми дотациями и какой-то новой бонусной системой, внедряемой администрацией. Руслана и Полину никто не трогал, будто их и вовсе не было на этом собрании.

Полина сильно не расстраивалась по поводу данного обстоятельства, напротив, её это вполне устраивало. Руслан молча налегал на закуску и особенно на брусничный морс, налитый в большой хрустальный (на самом деле) графин.

Ближе к шести вечера застолье уже подходило к финалу. Бутылка из-под текилы была почти пуста. Альберт Захарович, будучи, хотя и поверхностно, но знатоком нескольких языков, в обнимку с Жидальго напевали непонятную гостям испанскую песенку, напевали весьма недурно. Светлала-Авдотья разговорилась и стала рассказывать Руслану о том, как выращиваются их знаменитые грибы. Прохоров же почти не пил и вёл беседу с Морфиусом, который также не особо налегал на спиртное. Полина не переставала замечать, что парень периодически посматривает на неё, причём Прохоров – тоже. Зачастую их взгляды на Полину совпадали во времени, чему предшествовали какие-то тихо сказанные фразы.

«Меня обсуждают. Интересно зачем? Что им от меня надо? Это опять часть проклятой игры? Они втянуты в неё, но сами о том не догадываются? Или прекрасно всё знают и играют отведённые им роли?»

Полина тут же вспомнила интрижки Вячеслава и Александра. Впрочем, Прохоров и этот молодой парень казались ей гораздо приятнее отставного фээсбэшника и его молодого исполнителя.

«Не забывай, он спас жизнь Митричу, – пронеслось в голове у Полины. Митрич! Как он там? Живой ли? Пошёл ли на поправку? Ничего, ничего. Он мужик необычный, он поправится. Уже совсем скоро. И тогда она ему, наверное, всё расскажет. Или почти всё. А может, этого уже и не нужно будет делать, кто знает, кто знает...»

Завершилось собрание как-то невнятно. Альберт Захарович «нахрюкался» так, что уснул прямо в своей тарелке как это и описывают нам многочисленные новогодние хроники. Ковбою и Морфиусу пришлось транспортировать его до машины Прохорова. Поскольку апогет светлых идей антропарка жил в Иваново, а Прохоров всё-таки выпил пару, другую рюмок, его решили отвести на ранчо Жидальго, да там и оставить под присмотром его котов. Прохоров настоятельно посоветовал Полине и Руслану прокатиться с ними. Светлана-Авдотья, попрощавшись, направилась в свою избу (где её, видимо, уже ожидал после «тяжёлого трудового дня» Фрол), а Морфиус, о чём-то переговорив с Прохоровым, отошёл к забору, достал телефон и принялся звонить.

Полина совершенно чётко чувствовала, что парень что-то задумал, и это «что-то» связано именно с ней. Но она не испытывала страха, ведь рядом с ней оставался её верный друг Руслан.

Ну, а если бы Полина обладала слухом хотя бы как у тех же Жидальговских котов, то она услышала бы следующий разговор Морфиуса:

– Тимыч? Это я. Твоя барышня прибыла. Абсолютно. Да точно тебе говорю! Это она. Прямо как ты описывал. Каштановые волосы под каре, зелёные глаза, высокая. И что-то в ней есть такое, какая-то загадка. Да наверняка! Если не она, то кто? Чего?.. Ладно... Ну, ты там сделай всё как надо, сам знаешь. Да, с ней парень какой-то. Вроде бы вменяемый. Но меры принять надо. Конечно. Наш шеф с ней что-то возится, тоже неспроста... Ну, давай, скоро будем. Захватчу, конечно. Давай, всё.

Но Полина не принадлежала к кошачьему роду, не слышала всего этого.

Внедорожник подкатил к ранчо с высоким забором из частокола. Над широкими воротами висела изогнутая дощатая вывеска, каковая и должна висеть над въездом на ранчо в лучших традициях вестернов. Надпись из двух слов, выполненная золотой краской между двух звёзд Давида, что-то сообщала на иврите, но Полина прочитать её не могла. Из-под вывески смотрел прикреплённый к доскам коровий череп. Где-то позади ворот возвышался роскошный коттедж из клееного бруса, его крышу украшали три высокие пики с флагами Израиля, Мексики и России.

– Ну и ну, – только и протянула Полина.

Альберта Захаровича выгружали всем миром. Миновав крыльцо, украшенное непонятным для Полины ярким предметом чеканной работы, прикреплённым к дверному косяку, его кое-как оттащили в гостиную, где и положили на диван. Руслан вышел, а Жидальго вновь удивил Полину, поставив перед диваном банку с рассолом и крынку с водой. Он весело подмигнул ей и сказал:

– Жаль, что это есть два предмет. Хорошо бы четыре, чтобы Великий Дух побыстрее разогнать... разогнать дух злой. Всего и везде должно быть четыре. Смотри. Четыре стороны у света. Четыре... ножка у стула. Четыре конечности у человека и зверя. Четыре сезонных периода в год. Везде это есть... краугольное значение, да. – Он засмеялся.

Полина тоже улыбнулась, толком не поняв, серьёзно говорил Жидальго или шутил. Она принялась осматривать гостиную. Ничего особо удивительного здесь она не заметила, но ей запомнилась красивая резная мебель, покрытая тёмным «бархатным» (как подумалось Полине) лаком, картины пейзажей (красные горы на фоне закатов, всего 4 картины), тяжёлые шторы с кисточками по краям (шторы зеленые, кисточки желтые) и чёрно-белый потолок с балками (балки чёрные, потолок белый). Никакой коллекции правителей Израиля Полина не заметила, наверное, та находилась в другой комнате...

– Как вам... мой дом?

– Хороший. Но... чувствуется строгость.

– Да, да. Строгость нужен. Дисциплина. The first nation are... э-э... All индейцы в Северная Америка от Мексика до... British Columbia всегда живут... в... строгость. Вы любите индейцы?

– Да я... как-то не интересовалась ими никогда, – Полина стала вспоминать, что она знает об индейцах. – Так, читала какую-то книжку в детстве. Этого... Купера что ли...

– Oh, yea! James Fenimore Cooper! The great writer! Я читал все его книги. Тоже давно... А вы, Полина, вы почитайте... много... больше. Индейцы создали мир... такой... ну... – Жидальго замахал в воздухе рукой, пытаясь сформулировать фразу. – Мир... гармонии! И вы... стоит обратиться к нему в момент жизненного... проблема!

– К индейцам? – Полина задумалась.

«Что это значит? Какие ещё индейцы? В словах Инвайдера не было сказано об индейцах... Про грибы, правда, было. А что тут общего?»

В этот момент в комнату вошёл Руслан. Альберт Захарович уже вовсю храпел, и было решено покинуть гостиную.

Жидальго откланялся, оставшись на ранчо, сославшись на работу со скотом. Полина какое-то время думала о нём, пытаясь понять, был ли этот человек очередным символом в её путешествии или же всего лишь мимолётным случайным штрихом к так наполненной абсурдом и чушью невероятной череде событий. И что означали эти «индейцы»? Как бы то ни было, Полина решила просто придать этого человека и его слова своей памяти...

Уже скоро Полина и Руслан узнали, что планировалось в ближайшее время. Направляясь обратно в контору, Прохоров сообщил им, что Морфиус хочет показать хорошее место в лесу для проведения его страшилок-тимбилдингов. Притом шеф местных реконструкторов обмолвился ещё о каком-то грибном эльфе, местном колоритном персонаже, который будет их там ожидать, разведёт костёр, поставит палатки, и всё в таком духе. Полина, не колеблясь, согласилась, ибо сердцем чувствовала, что всё, согласно Машинным рекомендациям, идёт по плану. Неприятно было только сознавать, что план этот был разработан не ею, а кем-то другим.

Было решено выходить в 19:00. Прохоров оглядел Полину с ног до головы, заметив, что экипирована девушка как надо (про рюкзак он ничего не сказал; впрочем, часть вещей Полина из него временно выложила). Оставалось ещё время, и наши герои условились встретиться в назначенный час здесь у конторы. А пока имело смысл заняться приготовлениями.

И ровно в условленное время товарищ Прохоров, Морфиус, Руслан и Полина выдвинулись в сторону обширного луга навстречу темнеющему вдалеке сосновому бору...

Лесные страсти

– Стойте! Стоп! – вдруг заговорил Прохоров. – Здесь – очень внимательно!

Он аккуратно подошёл к Полине, напряжённо вглядываясь в траву. Вверху злилась треском высоковольтная линия, вокруг же, несмотря на позднее время, стрекотали кузнечики и жужжали слепни. Трудно было понять, кто кого заглушал в этой схватке живого и электрического.

– Надо же, я думал, они давно их убрали... Здесь ловушка. Полина, видите эти железки?

Действительно, в земле между стеблями крапивы, ромашки, перловника, ежи, тимофеевки и ещё десятка разных видов трав, просматривались ржавые длинные металлические полосы, тянущиеся прямо под проводами.

– Эти железки под напряжением. Слышали про наведённое электричество?

– Нет.

– Вверху проходит ЛЭП. Если под такой системой расположить хороший проводник достаточной протяжённости, то он наэлектризуется так, что – мама не горюй! Хотя на ногах и обувь, всё равно, если наступите на него, может не поздоровиться. Так что переступайте их очень аккуратно.

Полина вспомнила, как они с Денисом ещё в первый её спуск в метро шли мимо контактных рельсов, и Денис весело шутил, что наступать на них можно (защитный короб), а вот засовывать под них ноги – категорически нельзя. Ибо две тысячи вольт.

– Аккуратнее... Вот так... Руслан, вы тоже смотрите под ноги.

– А зачем здесь эти железки наложены? – спросил Руслан, когда группа миновала опасный участок.

– Вон там, видите? – указал Прохоров на рощу невысоких берёз. – Там языческое капище. Местные культисты балуются. А вот местный лесник – человек с юмором. Это он наложил тут железяк, чтобы их отпугнуть. Какое-то время работало, они даже обряды свои проводить перестали. Но потом прознали, что к чему, и опять – за старое.

– А чего вы в органы не сообщите?

– Ну, Руслан, вы простой как пять копеек. По какой же статье к ним придраться?

– Ну, есть, наверное, что-то такое... Я не знаю... Сатанизм какой-нибудь...

– Вот и я не знаю. Но знаю, что у каждого вера своя, и лезть в неё – дело неблагодарное.

– Да торчки они химические, – заметил Морфиус. – Совсем от природы ушли, жрут какую-то дрянь... Потому и железяки в траве разглядеть не могут, все мозги прожгли себе.

– А вы, можно подумать, не дрянь жрёте? – парировал Прохоров.

– У нас всё – натюр продукт. Грибы, в основном, а это совершенно безопасно. Они именно просветляют, я бы даже сказал...

Полина вслушалась. Грибы. Вот оно. Началось. Точнее, продолжается по нарастающей... Но Прохоров зарубил тему на корню:

– Ой, Морфиус, заканчивай это, я даже слушать не хочу. Вы, конечно, люди вменяемые, но ваши собраты из Питера отморозки ещё те.

– Эх, не судите, товарищ Прохоров, да не судимы будете. Особенно, если учесть тот факт, что с питерскими мы более не контактируем. Мы – дети природы, а не какие-то там сумасшедшие ролевики. Хотя, вон, Тимьяныч из них вышел. Но одумался в своё время, нормальным человеком стал.

Прохоров покачал головой, но спорить не стал.

Шли недолго. После утомительного перехода, хотя уже и под вечерним, но всё ещё открытым солнцем, сосновый бор встретил наших путников двойственно. С одной стороны

он окунул их в спасительную прохладу и аромат хвойного леса, а с другой сразу начал действовать на нервы жужжащими... нет, не комарами. Комаров в лесу не было. Но были осы.

– У нас тут ос много, – своевременно заметил Прохоров. – Даже шершни встречаются, я их тут и ловлю, кстати сказать. Так что вы внимательно смотрите под ноги, эти твари могут жить прямо в земле в норках. Если наступите, то потрудитесь сообщить остальным. Может, успеем убежать, – он засмеялся.

Но к счастью, ни осиное, ни шершневое гнездо им по дороге не встретилось, и уже минут через пятнадцать они вышли на живописную полянку. На ней лежало три берёзовых бревна, положенных буквой «п», посередине горел костёр, а ещё чуть поодаль стояли две крупные палатки. Видимо, место было известным и часто посещаемым.

На костре висел котелок, в котором готовил еду человек с длинными и ослепительными белыми волосами.

Да, он выглядел необычно. Наверное, он больше походил на натурального эльфа из сказок или фильмов, чем на человека. Во-первых, у него действительно были белоснежные волосы. Не седые, а именно белоснежные. Во-вторых, уши. Заострённые сверху. Наверное, хирургически, решила Полина. В-третьих, было что-то странное с кожей его лица, будто бы её обработали краской: кожа выглядела очень неестественно светлой с едва отливающим бирюзовым оттенком. Но главное, на что обратила внимание Полина – кожаный ремешок, собиравший волосы. На нём, прямо на лбу «эльфа», красовался деревянный кругляш с изображением третьей печати.

«Вот оно! – пронеслось в мозгу у Полины. – Нашла! Это он! Он поможет мне ответить на главный вопрос!»

– Знакомьтесь, это Тимьян, – представил своего друга Морфиус. – Мы с ним бывалые лесовики, всё тут знаем, да и не только тут. Да, Тимьяныч, сколько мы с тобой уже по лесам исходили? Чего только не видели!

– Это точно, – отозвался парень высоким приятным голосом, направляясь к нашим героям. – Здравствуйте, товарищ Прохоров! Как сами?

– Спасибо, Тимьян, хорошо. Вот, познакомься: гости из Москвы.

Руслан и Полина представились в пятый раз.

– Раз вы друзья товарища Прохорова и Морфиуса, значит, и мои тоже. Располагайтесь. Палаток у нас две, обе большие, так что все поместимся. Ну, а пока, я думаю, спать нам не придётся. Поговорим, о том, о сём...

Полина обратила внимание на то, что теперь и Тимьян как-то странно на неё смотрит, прямо, второй Морфиус. Будто, пытается что-то вспомнить. Конечно, она нисколько этому не удивилась, но решила раньше времени ни о чём не расспрашивать странного парня. И так ясно, что все тут Инвайдером мазаны, разве ж может быть иначе?..

Костёр весело потрескивал новыми дровами, которые в него полминуты назад подбросил Прохоров, на что варившаяся в котелке каша ответила новым радостным бульканьем. Все уже расположились вокруг огня, сидя на брёвнах (Руслан и Прохоров – на первом, Полина с Тимьяном на втором, а Морфиус на третьем против часовой стрелки; почему сели именно так, автор не имеет ни малейшего понятия). Перед этим Прохоров залез рукой в свой рюкзак и вынул оттуда подозрительную двухлитровую пластиковую бутылку, в которой плавала веточка мяты.

– Наш, мастеровой! – гордо заявил он, усаживаясь. – Всего тридцать градусов, пьётся как нектар, но расслабляет отменно, а главное, никакой дури в башке. Кто желает отведать?

– Я – пас, – ответил Руслан. – Я обычную водку-то не пью, а тут самогон...

– Да, чур, тебя, мил человек! Как же можно сравнивать промышленный продукт с собственным? Магазиновая водка – самый паршивый из напитков, от неё только в дурака пре-

вращаешься и никакого удовольствия... Не, любезный, не понимаете вы всей прелести мятного настоя тёти Любы! Может, попробуете?

Но Руслан только махнул рукой, доставая сигарету.

– А, город, – проворчал Прохоров. – Ну, да ладно. Кто ещё что скажет?

– Я не откажусь, – ответил Морфиус. Он взглянул на Тимьяна. – Ты как?

– Если только немножко...

– Да никто не заставляет... Полина?

– Я попробую чуть-чуть...

Затем Тимьян соорудил из трёх подпиленных в нужных местах фанерок что-то вроде стола, на котором появились овощи, сыр и прочая простая закуска, видно, заготовленная им заранее. Фирменное блюдо всех туристических походов – гречка с тушёнкой – уже поспевала, и вскоре её готовились раскладывать по глубоким пластиковым тарелкам.

«А ведь он меня тут давно ждал, подготовился, палатки поставил, – думала Полина. – И все они тут заодно...»

В наступающих сумерках далеко за лесом небо белело мутным отблеском от Иванова, а откуда-то с боку доносился слабый шум проезжающих машин: там проходила федеральная трасса. А ещё дальше в том же направлении, но уже где-то над Игнатовым, поднимались в темнеющем небе яркие огни взлетающего самолёта. Полине нравилась эта атмосфера. Как мы знаем, это был не первый её поход в лес с ночёвкой, и она, расслабившись, с интересом разглядывала своих новых собеседников. И, конечно, она ощущала себя спокойно в первую очередь из-за присутствия рядом верного своего товарища Руслана. С Тимьяном они уже успели слегка разговориться, задавая друг другу обычные для таких бесед вопросы.

– Ну, по первой, – деловито сказал Прохоров, разлил настойку по металлическим кружкам желающих. – Давайте за природу, – продолжил он. Кружки с бряцанием стукнулись.

– Да, хороша настойка! – Тимьян довольно причмокнул. – Даже не знаю, закусывать или нет?

– Конечно, закусывать, а ты как думал, – отозвался Прохоров. – В закуске-то и вся прелесть крепких напитков.

Некоторое время все молчали, занимаясь трапезой.

– А ты кем до этого работал? Ну, до больницы твоей? – поинтересовался Тимьян у Руслана.

Руслан, затягивая сигарету, ответил:

– Ой, если я скажу, то испорчу всем аппетит.

Полина слегка улынулась.

– На войне что ли воевал? – предположил Морфиус.

Руслан ещё раз затянулся:

– Да нет... В морге. Сперва помощником патологоанатома, а потом самого резать заставляли, – он засмеялся.

– Ого! – воскликнул Тимьян. – Всегда хотел пообщаться с таким человеком. Ну, и как работа?

– Да работа как работа, как и везде. Делаешь своё дело, получаешь зарплату.

– Не, Руслан, не скажи. Всё-таки твоя работёнка специфическая.

– Действительно, вы же не кур препарлируете, – согласился Прохоров. – Для обычного человека это, как говорится, нечто из ряда вон.

– А что тут такого? Ну, режешь трупики, делов-то... Что, вы мяса никогда на кухне не разделявали?

– Стоп, вы погодите, Руслан, сравнили тоже, – Прохоров взмахнул левой рукой. – Одно дело мясо животного, а другое – человека... Хотя... Может, это я как-то не так отношусь к этому? У нас ведь тут страстей почти нет, сплошная художественная самодеятельность.

А покойников видим-то раз в год, да и то, при параде. Это, наверное, в городе от суеты озвереешь, тогда и на человека станешь, как на мясо смотреть...

– Ну что вы такое говорите, Прохоров, – Руслан мотнул головой. – Просто у одних людей порог чувствительно ниже, у других выше. Я, когда на скорую пошёл, тоже сначала чувствовал отвращение. Разные истории видел. Но надо было зарабатывать деньги, и я втянулся...

Да и потом... Вы знаете... Со мной как-то случай был. Привезли одну барышню для следственной экспертизы, на вид, лет двадцать пять. Красивая, слов нет. Длинные светлые волосы... Все дела. Глаза только закрыты, хотя часто поступали клиенты и с открытыми глазами. Спрашиваю у сотрудника, отчего откинулась? Сказал, передоз. Я смотрю на неё и вроде как жалко её. Ну, молодая, красивая... говорил уже. Ей бы жить и жить. Но делать нечего. Беру инструменты. Начинаю с головы по Самсонову, снимаю лоскут. Далее стандартно – угловой распил, достаю мозги, кладу их... Кстати, знаете, что было забавно? – Руслан улыбнувшись, бросил окурок в костёр. – Как правило, органокомплекс вываливают тут же на стол, рядом с телом, если, конечно, какой-то орган не идёт сразу в колбу с маринадом, но это – редкость. В случае же, если его кто-то просил, там, для детальной экспертизы, или ещё для чего, разные причины, то мы использовали стальные кюветы. И как-то раз они куда-то исчезли, может, украли, не знаю... Их было-то всего от силы штук пять на весь патан... И в морг завезли, вы представляете, стальные противни, что используют в магазинах. Я даже название узнавал, гастроёмкости, во! Но мы их просто поддонами называли. Знаете, такие, на витринах-холодильниках под стеклом? На них сырое мясо выкладывают, свиные рёбра, готовый шашлык... Мы потом часто шутили с пацанами на эту тему, особенно смешно это было вспоминать в каком-нибудь супермаркете. Идёшь в мясном отделе и видишь: о, поддон, опять трупы завезли, – Руслан засмеялся.

Окружающие несколько притихли, слушая этот неожиданный рассказ. Они молча смотрели на Руслана, видимо, ещё не зная, как реагировать, а, может, просто хотели услышать развязку истории про несчастную девушку.

Руслан же продолжал:

– Ну, дальше, игрек-образный разрез... Дальше... Словом, ковыряюсь я в ней, достаю внутренности, раскладываю их по поддонам этим магазинным, как вдруг ловлю себя на мысли. Знаете, на какой?

– На какой? – машинально переспросили и Прохоров и Тимьян одновременно.

– А на такой. Что есть я хочу. Не ел часов пять. И думаю о сосисках с консервированным горошком. Заметьте, кстати, не о мясе, если кто что подумал. Хотя, мне обычно и всё равно, чего поесть.

Руслан достал следующую сигарету. Остальные молчали.

– Так что, друзья мои, всё это вполне банально и не заслуживает какого-то особенного трепета, так считаю. Хотя нет, вру. Есть один неприятный нюанс, касательно как раз пищи. Когда делаешь вскрытие, главное, не порезать желудок или сопряжённый кишечник. Если клиент накануне смерти плотно покушал, то вам ни один противогаз не поможет. Мы тех, кто так осекался, ну, из практикантов обычно, заставляли потом все столы в секционке мыть. Так что...

– Ну, и как? Ты после этого пообедал? Или поужинал? – решил уточнить Тимьян.

– Пообедал, дело до полудня было, – улыбнулся Руслан. – Только сосисок в столовой почему-то в тот день не оказалось, пришлось взять антрекот.

Наступило молчание.

– Да, Рус, умеешь ты разговор поддержать, – фыркнула Полина. – Скажи, обязательно об этом надо было рассказывать?

– А я предупреждал, да вот господин Тимьян хотел познать глубинный смысл процесса и моё к нему отношение. Я вам его раскрыл, уважаемый эльф?

Тимьян засмеялся:

– Ну, в общих чертах, да...

– Действительно, зачем было об этом рассказывать, – буркнул Морфиус. Он молча уставился на огонь.

– Ладно, ребятки, давайте и, правда, сменим тему, – Прохоров снова потянулся за бутылкой. Тимьян, раз уж ты кашеваришь, будь любезен, проверь там...

Вскоре уже готовая каша раскладывалась по тарелкам. Полина заметила, что у самого Тимьяна тарелка была металлическая и причудливо расшита бисером поверх обтягивающей её ткани.

Конечно, этот совершенно не к случаю рассказанный Русланом опус не прибавлял аппетита участникам ужина, но он заставил затронуть кое-что из прошлого Морфиуса. Что-то такое, о чём он долго старался забыть, но никак не мог. И теперь это липкое «что-то» начало подниматься в его памяти, цепляясь всё выше и выше, норовя выбраться наружу...

– Вот я гречневую кашу всегда так варю, – решил радикально перевести разговор в иное русло Прохоров. – Перво-наперво прокаливаю гречку в растительном масле. Пока она трещать не начинает. Затем, добавляю воды и варю прямо в сковороде. Ещё добавляю лук. Эффект получается своеобразный. Дальше уже добавляю варёное загодя мясо, либо тушёнку. И на выходе мы имеем продукт, совершенно не похожий на традиционный. Но в походе, конечно, с этим возиться долго, хотя знавал я одного кашевара, так тот умудрялся и кашу приготовить, и целый стол сервировать за каких-то тридцать минут!

– А я готовить не умею вовсе, – признался Тимьян. – Не лежит душа. Так, только по мелочи, типа этого... Да и, потом, моя жена Лера это лучше сделает.

– У тебя жена есть? – удивился Прохоров. – Я думал, вы, пацифисты, за свободные отношения.

– Так мы и за свободные. А что здесь такого? А Лера моя тут, в Иванове, живёт, а я – у неё. А когда на тусы всякие уезжаем, то можем себе позволить отдохнуть и с другими... э... партнёрами.

– Всё с вами понятно, – засмеялся Прохоров. – Да только боюсь, до добра такая жизнь не доведёт, рано или поздно что-то да поломаётся в этой идиллии.

– А вы, вот, не каркайте, товарищ Прохоров. – Тимьян сделал вид, что ищет свою кружку, хотя она стояла прямо перед ним на столике (также, кстати, как и тарелка, украшенная бисером).

– Иваново – город невест, – задумчиво произнёс Руслан.

– Вот-вот, – заметила Полина, – а ты всё в холостяках ходишь. Не уппусти шанс, раз так близко.

– Да, ну, что ты... Деньги надо зарабатывать, да к диссеру готовиться.

– Ого, – воскликнул Прохоров. – Так у нас тут кандидат, оказывается?

– Аспирант, – вздохнул Руслан, затягиваясь. – В марте буду защищаться.

– А что за тема? – Прохоров не спеша разливал свою настойку по второму разу.

– Вакцинация против гриппа различных штаммов у детей с онкологическими заболеваниями в анамнезе.

– Вот это да! – Прохоров явно не ожидал услышать ничего подобного. – Молодец! Святым делом занимаешься. Хотя, признаться честно, я не особо доверяю вакцинациям этим... Иной раз от такой процедуры ребёнок и калекой сделать могут. Но ты, я вижу, человек умный, разберёшься, каким образом... Ой, просите, что на «ты» перешёл, просто...

Руслан не дал ему договорить:

– Да нормально всё. Можете и на «ты», я не из графьёв. Понимаете, товарищ Прохоров, дело тут не в том, что именно за вакцинация проводится, а в том, кто и как её проводит. И ещё дело в невежестве человеческом. И в малом знании новых мутирующих штаммов. Вы знаете о том, что Эдуард Дженнер тоже не сразу вылечил оспу? Ему для этого понадобилось много лет исследовать лёгкую форму, а затем только решиться на опасные эксперименты на людях. К тому же его ещё и попы гнобили, и невежды всякие. Однако он выстоял и стал основателем целого направления в медицине – профилактики болезней путём вакцинации. И оспу победил, разумеется.

– Ну, попов ты не ругай, не все они ханжи и скряги. Есть и приличные среди них люди, вон, Матвей наш, священнослужитель. Добрейшей души человек, всю жизнь свою помогает людям, для бомжей на свои и прихожан деньги приют при храме открыл, контракты на работы им наладил. Они, где траншею покопают, разгрузят на товарной чего, и им польза, и ему отрада, что людей с того света спасает.

– Так я и не собираюсь грести всех под один эскалатор (всё-таки у Руслана порой про-скальзывал своеобразный юмор), я и говорю о том, что все люди разные. Есть порядочные, и Матвей ваш, и врачи, которые клятву Гиппократова давали. А есть взяточники и лжецы, так они, хоть храмы строй, хоть прививку прививай, всё одно, о личной наживе думают, а до людей им дела нет.

– Слушайте, парни, – перебил их Тимьян. И Руслан и Прохоров заметили, что некоторые эльфы уже давно держат кружки в руках, а некоторые девушки вовсю и едят.

– Да, да, простите, но так приятно поговорить с образованным человеком, – улыбнулся Прохоров. – Жаль только, что он не пьёт совсем.

– Да я, товарищ Прохоров, столько спирта в своё время нахлебался, не знаю, как печёнка не отвалилась, мне на всю жизнь хватит, – ответил Руслан.

Всё это время, пока шла беседа, пока участники её выпивали и закусывали, Морфиус продолжал напряжённо смотреть в огонь. Он отпил из своей кружки, сморщил нос и продолжал молчаливо сидеть. Первой это заметила Полина:

– Морфиус, а чего это ты такой печальный? Тебя так смутил рассказ о морге?

Морфиус перевёл взгляд на Полину. Он продолжал молчать и вызвал этим уже внимание всех остальных.

– Правда, старик ты чего, – Тимьян хлопнул друга по плечу. – Настойка что ли не пошла?

– Да нет, настойка хорошая, – тихо отозвался Морфиус.

В этот момент в лесу что-то с треском ухнуло, разносясь затихающим эхом.

– Что это? – Полина взглянула на Прохорова.

– Да почём знать, – ответил Прохоров. – Может, дерево старое упало. Здесь же под Южей пожар весной был, может, какие локальные очаги и до Иванова докатились. Сейчас повсюду леса горят, хотя здесь это не так чувствуется.

Морфиус продолжал сидеть, мрачный как туча. Тимьян ещё раз хлопнул его по плечу:

– Да что ты в натуре, расслабься? Покойников что ли испугался?

Морфиус метнул на приятеля злой взгляд, затем окинул им всех. Начал он не сразу. Сперва попросил у Прохорова налить ему ещё. Это ещё больше всех заинтриговало и тут Полина начала смутно догадываться, что, возможно именно сейчас Морфиус поведает что-то такое, что может пролить свет на тайну третьей печати.

Морфиус же, выпив содержимое кружки до дна и уже не поморщившись, принялся вдруг налегать на кашу.

Прохоров и Руслан переглянулись.

– Ладно, пока товарищ думает, – сказал Тимьян вставая, – подкину дров, а то темнеет.

Морфиус замер, снова уставившись в угасающий костёр, на помощь которому поспешил его друг. Затем он поставил свою тарелку на землю и взглянул на Руслана.

– Вот вы тут о морге беседуете, как лоскуты снимать... Как там распилы делать. Это, конечно, всё занято. А хотите услышать по-настоящему страшную историю?

– О-о, началось, – донёлся голос Тимьяна. – Это ты про идола своего?

– Слышь Тимыч, не доставай, а?

– Ладно, ладно, извини. Просто мы с тобой уже говорили как-то на эту тему, и я своё резюме по данному вопросу озвучил.

– А что за идол? – заинтересовалась Полина.

– Я расскажу. Ты там, слышь, только комментарии свои не вставляй!

Тимьян подошел к своему месту, отряхнул руки и примиряющим тоном заметил:

– Ладно, не грузись. Сколько мы уже с тобой всего пережили, могу же я хоть иногда тебя подколоть?

– С этой историей – нет.

– Хорошо-хорошо, – Тимьян развёл руками. – Рассказывай. Обещаю, что буду нем как рыба.

Морфиус глубоко вздохнул.

– Друзья, ну, вас троих касается, – он кивнул головой в сторону Руслана, так как тот сидел между Прохоровым справа и Полиной на соседнем бревне слева, и олицетворял, видимо, некую середину «друзей». – Сейчас я расскажу вам кое-что. Ты, Руслан, конечно, у нас весь такой материалист-прагматик, но, то, что ты сейчас услышишь, возможно, пошатнёт твою веру в стандартную картину мира.

– Да ты короче, Морфий...

– Тим, заткнись, пожалуйста, а? Сейчас получишь!

– Ладно, ладно, всё, молчу...

Полина, Руслан и Прохоров внимательно смотрели на Морфиуса. Он опять тяжело вздохнул, немного помолчал и заговорил.

Таинственный идол

– Было это весной две тысячи пятого. Мы собрались пойти походом от Евмы до Сыктывкара, там километров сто с лишним, но времени у нас было всего две недели, хотя планировали управиться за одну. Точнее, это я планировал. Нельзя сказать, что все участники были шибко подготовлены, к тому же, с нами шли три девушки, плюс, тяжёлые рюкзаки, гораздо больше, чем, скажем, твой, Полина (та при этих словах едва сдержалась, чтобы не запустить в Морфиуса головешкой). Литров под сотню. Тяжёлые, сволочи... Такие без анатомической подвески вообще не потаскаешь. Да и шли, так, не спеша. Но местность видели впервые, хотя и карта подробная была. Знаете, что самое неприятное в таких походах?

– Реки? – предположила Полина.

– Нет. Заборы.

– Заборы?

– Заборы. Смотришь в карту, там еловый лес обозначен. Проходишь километр и внезапно упираешься в бетонный забор с колючей проволокой сверху. Что за объект? На карте его нет и в помине. Приходится обходить...

– А чего не через забор? – поинтересовалась Полина. – Или проволока?..

– Даже не в проволоке дело, это-то не проблема. Проблема в другом. Вдруг там хранилище биологического оружия? Или шахта с какими-нибудь «Воеводами»¹? Не, это дело мы уже проходили в своё время, еле ноги унесли, но то – другая история.

Так вот. Было нас восемь человек, ещё с нами шёл Паскаль. Дворняга, но здоровый и, надо сказать, довольно умный пёс. Ребята – все с нашего тогдашнего форума. Гия с Настей, Миша с Анжелой, Вася с Людой, Митя, ну и я. Я-то походник бывалый, а вот товарищи мои, так скажем, не очень. Ну, Митяй ещё туда-сюда... Шли мы три дня без приключений, а вот на четвёртый... Вечером четвёртого дня, как и обычно, стали готовиться к ночёвке. Лесок там хороший, но поляну никак отыскать не могли. Остановились на опушке рядом с ручьём, а там комаров... Повеситься. Я поклялся во что бы то ни стало нормальную поляну отыскать. Походил вокруг... И нашёл. Хорошая такая полянка. А места-то вокруг, не скажу, что совсем уж глухие. Часто на нашем пути деревеньки встречались, ещё много речек мелких было, но нам маршрут проверенный дали, с указанием где мосты, где броды и так далее. Словом, не тайга дремучая. Поэтому то, что мы на поляне той увидели, немного нас удивило...

Морфиус замолчал, глядя в огонь.

– Все, наверное, смотрели «Симпсонов»? – неожиданно спросил он. Слушатели машинально кивнули. – Так вот. Там такой герой был, как его... С пилой на голове, ну... с ёлочкой...

Морфиусу явно не хватало примеров для сравнения.

– Барт? Который сын? – предположила Полина, которая когда-то смотрела обсуждаемый мультфильм.

– Да, точно, Барт. Так вот, представили его?

– Лично я этот мультик не смотрел, но название слышал, – сказал Руслан.

– А я видел как-то раз, – вставил Прохоров, – мне не понравилось...

– Мне говорить не обязательно, – отозвался Тимьян, – поскольку историю и так знаю.

– Так вот, у этого Барта на голове причёска как будто такие зубчики, – продолжал Морфиус. – А теперь представьте, что у него длинный как у Буратино нос и злорадно ухмыляющееся выражение лица... Представили?

– Все опять синхронно кивнули.

¹ Стратегический ракетный комплекс шахтного базирования.

– Так вот. Именно такое изваяние и красовалось прямо на середине поляны. Это был сухой деревянный идол, поставленный там невесть кем или же выточенный из растущего когда-то дерева. Почему-то насыщенного рыжего цвета, ну, точь-в-точь этот самый Барт. Только какой-то остервеневший, злобный. Нам, конечно, стало интересно, мы подошли поближе. Люда, как главный фотограф, принялась его щёлкать. Но впечатление он производил жуткое. У него была такая неприятная гримаса, я до сих пор как вспомню...

Морфиус снова тяжело вздохнул.

– Стали спорить, ставить тут лагерь или нет. Анжела стала просить, чтобы нашли другую поляну, очень этот чурбан её напугал. Прямо как в воду глядела, да... Миша её поддержал, конечно, хотя я знаю, он чертовщины не боялся. Смотрю, остальные начали им поддаваться, но тут Митя со своим научным атеизмом влез. У него язык подвешен, не в пример мне, быстро всех убедил, что этот идол – всего лишь кусок древесины, и что нечего его бояться. Темнело уже, да и комары всех достали, Анжела сдалась. Начали ставить палатки. Расположились полукругом вокруг этого истукана, посередине – костёр. Мне выпало спать по центру, а Митя со своим псом – слева. Паскаль-то бегал тогда резво, на идола и не взглянул. Обычно собаки сразу неладное чувят. Признаюсь, меня это тогда сильно успокоило, я и не думал, что многие вещи, о которых слышишь только в сказках, в жизни взаправду случаются.

Полина заметила, как усмехнулся Руслан. Однако вслух он ничего не сказал. Морфиус продолжал:

– Но произошёл неприятный случай. Ребята пока спорили об этом чурбане, кто-то его потрогал, кто-то хотел ножом ткнуть, Гия, кажется, его отговорили. А Миша взял, так, театрально, произнёс: «бедный Йорик!» И – бац! Ладонью ему по башке. Потом одёрнул, а с ладони кровь капает. Уколотся. Видно острые эти шипы на башке у идола были. Я потом присмотрелся, действительно, будто их заточил кто-то специально. И пара капель крови успели на голове этой деревянной остаться. Ну, Мишке-то Анжела рану обработала, всё нормально, и как-то это происшествие само собой быстро забылось.

Морфиус снова ненадолго замолчал.

– Так вот. Мы успели до полной темноты приготовить еду, расположились у костра, разлили спирт, Вася достал мандолину. У него была такая, мобильная. Рассказывал, что ему делал на заказ знакомый музыкальный мастер. Вася неплохо играл на ней, причём, прямо как на гитаре. Он вообще бардовской песней увлекался... И сейчас увлекается. Стал играть. Он любил Никольского. Вот его и играл тогда вечером.

– Никольский рок музыкант, – вдруг вмешался Прохоров.

– Чего? – Морфиус вскинул голову. – Какой же рок музыкант, товарищ Прохоров? Вы его вообще слушали?

– Слушал, и не раз. Он в рок-группах ещё в советское время выступал.

– Кем? Сессионным гостем?

– Гостем не гостем, а у Стаса Намина он находился на хорошем счету.

Морфиус вытаращил глаза.

– Да причём тут быть у кого-то на счету? Человек играет и поёт романтические песни, этим он и известен, а его участие в... этих... «Цветах» или... Да какая разница, где он принимал участие?

Прохоров не сдавался:

– Нет, Юра, это имеет огромное значение! Если человек всю жизнь играет в переходах, пусть и, громко называя себя броским названием, то он так и останется на соответствующей ступени, а когда он выбирает себе ориентиры и, главное, следует им, то тогда и только тогда его можно назвать выдающимся музыкантом.

– Товарищ Прохоров, да вы с ума сошли? В каких переходах?

– В таких, вон, в Москве в каждом переходе стоит волосатый немый тип и брэнчит на гитаре. Я видел.

– Во-первых, Николький в переходах никогда не выступал! А во-вторых, бардовская песня – это не обязательно гитара! Это в первую очередь образ жизни!

– Ну, так и рок-н-ролл ваш тоже образ жизни.

– Он не мой, я вообще рок-музыку не люблю! И не надо Никольского приобщать к ней!

– Я тоже рок не люблю, я люблю джаз. Но это не значит, что Никольский остаётся при этом типичным рок музыкантом!

– Я уже объяснил вам, кто такой Никольский и что он играет!

– А то, Юра, я не знаю! – Прохоров произнёс это явно повышенным тоном, но быстро осёкся. Возможно, настойка слегка возбудила его не к месту. Возникла пауза, ею воспользовался Руслан:

– Мужики, да успокойтесь вы... Чего вы из-за этого Никольского так? Я, например, вообще не знаю, кто это такой...

Оба метнули гневные взгляды на Руслана. Тот понял, что сморозил лишнего и попытался разрядить атмосферу:

– Морфиус, давай вернёмся к рассказу. Что там было дальше?

Морфиус потупил взгляд, помолчал, отпил из кружки. Внезапный срыв на совсем отвлечённую тему показался и Полине и Руслану странным.

– Дальше... Дальше рассеялись облака. В тот вечер было облачно, не то, что бы пасмурно, просто по небу плыли густые плотные облака. Мы ещё опасались ночной грозы. А тут вдруг подул ветер, деревья зашумели своими кронами, облака разошлись. И вышла Луна. Огромная, тёмно-жёлтая, почти красная. Налитая. Почти такого же цвета, как и проклятый идол.

Время близилось к полуночи, мы сидели, пели песни, попивали спирт с со свежеевыжатым соком. Ягод набрали по дороге, малина, земляника... Поглядывали временами на истукана: через костёр он виднелся размытыми пляшущими очертаниями. У меня тогда мысль даже родилась, его сжечь. Но что-то остановило. Так вот. Пили-то, мы, конечно, по чуть-чуть, но сами понимаете, после долгого похода сносит быстро, не как вот сейчас. Усталость. Сидишь, вроде бы и весело, а чувствуешь, что засыпаешь. Вот нас всех и разморило. Вася играть перестал, что-то рассказывал Мишке, Гия с Настей в палатку уже ушли, они недавно только познакомились, сами понимаете, дело молодое... Митя уснул прямо у костра, на своём спальнике. Я тоже уже подумывал не боковую, но тут... Мы все аж подскочили! Среди тишины леса, нарушаемой лишь размеренным шумом деревьев на ветру, треском поленьев в костре и бубнежа Васи, изо всей дури залаял Паскаль. Да не просто залаял, это... Это было что-то ужасное! Я такой лай не слышал никогда! Было ощущение, что он лаял, кричал и завывал одновременно. Даже Митя проснулся. Мы все повскакивали на ноги, смотрим на пса: шесть дыбом, весь трясётся, дрожит, пасть оскалена, лапы землю рвут! Глаза бешеные! Видно, собака в ужасе! И знаете, на что он лаял? На этого треклятого идола! Именно к нему был устремлён взгляд безумных собачьих глаз! Мы, соответственно, за ножи, Вася – за травматом своим в палатку кинулся. Первая рациональная мысль – за идолом какие-то люди посторонние из леса появились. Гия со своим тесаком из палатки выскочил, он вообще, парень горячий, с Кавказа, у него вместо ста слов одно действие. Так вот. Подошли мы к идолу. И знаете, что мы увидели?

– Что? – хором отозвались слушатели.

– Не людей. Людей не было. А вот, что касается самого истукана... На морде у него поменялось выражение! Если раньше он будто злорадствовал над нами, то теперь это был перекошенный злобой и ненавистью оскал! И взгляд! Я помню, он смотрел мне прямо в глаза! Просто... сверлил меня взглядом! Как потом подтвердили друзья, все почувство-

вали то же самое. Признаюсь вам, мы очканули. Ведь все помнили, как он выглядел раньше. Тут кто-то глянул на часы, двенадцать и две! Полночь! И Луна со своим тяжёлым кровавым светом! Вы, ребята, не поверите, но нам на той поляне реально стало страшно. Гия предложил его покрошить топором. Но я чувствовал, что это только разозлит лесного стража ещё больше. Всем сильно на нервы давил вой Паскаля, он уже не рычал, а скорее, скулил. Митяя принялся его успокаивать, еле оттащил к своей палатке. Я же уговорил всех отойти к костру и спокойно всё обдумать. Должно же было быть какое-то разумное объяснение всему этому, как я тогда думал.

Мы отошли. Настя высказала идею, что кто-то из нас решил подшутить, и незаметно подрезал идолу лицо, но эту версию быстро отбросили: ни опилок не было рядом с болваном, ни среди нас скульпторов... Да и как объяснить поведение собаки? Её что, хитрец запрограммировал на полночь? Да и заметили бы мы всё это, нет, нет, это глупое предположение... Стали думать дальше. Кроме нас в лесу кто-то есть? Незаметно подменили идола? Опять вернулись к Паскалю. Не клеится. В общем, перебрали все возможные варианты – всё одно: чертовщина выходит!

И тут происходит опять! Паскаль вырвался у Митяя из рук и пулей бросился в лес. С тех пор мы его больше не видели...

– Какой ужас, – проговорила Полина. – Он что, получается, сошёл с ума?

– Вероятно. Наверное, почуял злую силу потустороннюю, которая, как показывают в ужастиках, проявилась ровно в полночь... Товарищ Прохоров, налейте мне ещё, пожалуйста.

– Да, история удивительная, – заметил Руслан. – Признаться, да, я скептически отношусь к мистике, но, ты говоришь, сам был свидетелем всего этого?

– Да, Руслан, был. И грибы не употреблял, если ты к этому клонишь. В длительных походах у нас это запрещено, кодекс такой. А спирта мы выпили совсем немного, да чего там, по полкружки на брата. Девчата вообще не пили...

– Ну и ну, – только и произнёс Руслан.

– То, что было дальше, вообще рассказывать не хочется, – вздохнул Морфиус, принимая из рук Прохорова наполненную кружку. – Мы решили ещё больше разжечь костёр и оставили дежурить двоих – Митяя, который всё равно уже не мог заснуть и Гию. Остальные кое-как разбрелись по палаткам, ну, и я в том числе. На душе у всех скреблись кошки, никто не знал, что случится дальше. Настя сказала, что нужно прочитать специальную молитву, но не знала какую. Среди нас людей религиозных не было...

Так вот. Я долго не мог уснуть, прислушивался к каждому звуку с улицы. Да и остальные, кто ушёл в палатки, тоже. В голову лезли всякие стрёмные мысли, вспомнилась история про дятловцев, про то, как люди пропадали в тайге. Короче, сплошная чертовщина лезла в голову. Но ближе к утру всё-таки кое-как заснул.

Проснулся от громких разговоров – Анжела что-то кричала. Я быстро выскочил из палатки, все уже на ногах, спрашиваю, что случилось ещё? Оказалось, Мише плохо. Всего трясёт, бледный, рука, которую поранил об этого истукана, опухла. Зрачки огромные... как сейчас помню, в полглаза! Никогда таких не видел, как ни странно. А тварь эта деревянная опять ухмыляется! Похоже, свет восходящего солнца снова сделал его просто болваном. Но что же вселилось в него в полночь?

Надо было валить с этой проклятой поляны и валить быстро, учитывая состояние Миши. Мы пытались с ним говорить, но без толку. Лежит, трясётся и что-то бормочет еле слышно. Мы так и не поняли... Дали ему на всякий случай антигистаминное, ещё раз обработали рану... Вы знаете, друзья, когда я её увидел, мне едва не поплохело. Ещё накануне вечером там была лишь царапина, а теперь же на фоне опухшей кожи по ладони расплза-

лась страшная язва, воспалённая ткань в ране посинела и гноилась. Возникало ощущение, что перед нами гангрена трёхдневной давности, не иначе.

Мы долго совещались, решили, что двое идут налегке и несут Мишу до автотрассы, это километров двадцать от нас. Остальные собираются и как могут, идут следом. Условились встречаться в ближайшем населённом пункте, где есть больница. Начали по карте гадать, где таковой есть. И пока думали, да спорили, Миша умер...

Повисло молчание. Никто из сидящих вокруг костра не осмеливался заговорить первым. Руслан вопросительно посмотрел на Прохорова. Тот хмурился, вертя в руке кружку. Тимьян тоже затих, он сидел, глядя в костёр, шевелил угли длинной толстой веткой. Молчание нарушил сам Морфиус:

– А вы говорите, лоскут. Нельзя, нельзя к человеку относиться как к куску мяса. Даже, если вам плевать на его кишки, и думаете вы о том, как бы поскорее пожрать. Ведь у него же была целая жизнь, кто-то его любил, кого-то любил он. И тут вот... вот так вот...

– Да всё понятно, друг, – отозвался Руслан. – Я ж не хочу сказать, что надо быть бесчувственным, просто... Привыкаешь как-то к рутине, за ней не замечаешь чего-то главного, чего-то глубинного.

Морфиус взглянул на Руслана.

– А знаешь, что было дальше? Что окончательно добило меня? Мы собрались. Мишу завернули в один из спальников, часть вещей пришлось оставить, иначе не дотащили бы. Уходили с поляны в полном ауте. Анжела не переставала плакать, никак не удавалось её утешить. Сперва шла она с подругами и Гией. Затем Митяй и Вася с телом Миши. Замыкал я. На меня нагрузили, наверное, килограмм сто двадцать, я еле переставлял ноги. И вот я иду, оборачиваюсь, чтобы в последний раз взглянуть на идола... Стою и чувствую, что у меня эти самые ноги подкашиваются. Когда мы стояли лагерем и жгли костёр, то имели возможность наблюдать долбанного болвана во всей красе. И уж, конечно, видели, что его рожа повёрнута к нам. Сейчас же, стоя на опушке перед деревьями, куда уходила тропа, я снова глядел этому чёрту в его нахальную харю! Его голова была повёрнута в нашу сторону! Он опять смотрел на меня своими издевающимися глазками, будто напутствуя и желая скорой встречи. Признаюсь, я никогда не испытывал такого ужаса, как в ту минуту...

Морфиус замолчал.

Прохоров хмыкнул, посмотрел на остальных:

– Да, Юра, я эту историю не слышал. Дальше то вы как?

– Да нормально, если так можно выразиться. Дошли до деревни, там уже ментов с похоронкой вызвали.

– А фотографии? – вставила Полина.

– Какие фотографии?

– Ну, этого идола. Ты сказал, что кто-то из девушек фотографировал его.

– Да, Людка его всё фоткала... Да только зазря. Ещё в милиции пытались флэш-карту в компьютере просмотреть, а она не фурычит. Будто этот гад деревянный её испортил. Я потом попытался навести справки, узнал, что манси ставили таких идолов, что они что-то означают, но никаких событий, связанных с ними в настоящее время не открыл. Что это было, до сих пор для меня загадка. Одно время я хотел скопить денег и подбить экспедицию туда, каких-нибудь экстрасенсов позвать, ну, чтобы по своим каналам там разобрались. Но так пока и не решился.

– Я бы тебе не советовал этого делать, Юра, – отозвался Прохоров. – Место это меченое, и то, что вы сами живы остались, уже удача. Могли все сгинуть. Так что, не искушай судьбу.

– Откуда вы это знаете? – устало спросил Морфиус.

– Чувствую. Наш мир не так прост, каким его видят материалисты. Иногда сталкиваешься с чем-то таким, где традиционные представления бессильны. И твой идол тут не исключение.

– Посмотрим... – туманно ответил Морфиус.

История, им рассказанная, окончательно привела всех в уныние. Полина напряжённо ждала, что ей откроется что-то, касающееся её и Инвайдера. Конечно, рассказ о таинственном идоле был тут кстати: в меру страшный, в меру гротескный, в меру неприятный, в меру интересный. Но что из него она должна была почерпнуть?

Прохоров начал клевать носом. Он вздрагивал, обводил всех хмельным взглядом, после чего его глаза закрывались, и он снова начинал креститься вбок. Руслан ещё переговаривался с Морфиусом, пытаясь его взбодрить, но было видно, что и он не против отправиться на боковую. В конечном итоге общим решением было принято идти спать. Тимьян с Морфиусом остались прибирать территорию, Прохоров же повалился в одну из палаток и тут же захрапел. Руслана и Полину было решено положить во второй. Что же касается самих «грибников», то они, похоже, вовсе не собирались спать.

Полина не раздеваясь легла на свой спальник. Ночь стояла тёплая, и надобности кутаться в нём не было. Руслан лёг рядом.

– Что думаешь обо всём этом? – прошептала Полина.

– Не знаю. У меня стойкое ощущение, что нас позвали сюда не просто так. В твоих э... планах был поход в лес? Я, почему-то, что-то подобное предчувствовал ещё в Москве, помнишь, я тебе сказал?

– Да. Для меня эта форма и этот рюкзак становятся уже экипировкой на каждый день, – Полина горько усмехнулась. – Чёрти что. Нет бы сейчас заниматься своими делами (она, конечно, представила себя в объятиях Игоря, но вслух, разумеется, не сказала), получать от этого удовольствие... Не бояться ничего. Смело смотреть в завтрашний день. Готовиться к встрече с однокашниками. Интересно, что у них за лето произошло? Наверное, многие уже работают, будут бегать из института в офис, а из офиса в институт. Хотя, скорее нет, не так. Будут бегать в сквер и пить пиво, в институте говорить, что были на работе, а на работе говорить, что были в институте, ха-ха! У нас половина группы – раздолбай. Как они доучились до пятого, ума не приложу. У троих хвосты с летней... Слушай, Руслан, ты как думаешь, какой у нас план на завтра? Может, нам самим стоит как-то намекнуть им? Ну, то есть, мне стоит, я попытаюсь как-то... Чёрт, даже не знаю, как сформулировать свою мысль. Прости меня, я знаю, что ты из-за меня столько всего терпишь, а я, неблагодарная сволочь, ничего тебе не рассказываю. Но я уверена, что не могу, не должна. И Друзь твоя... Грузь, тоже всего сказать не могла, уверена, причина у нас одна. Но я тебе обещаю, Рус, когда всё это закончится, я тебе всё расскажу. Честно-честно. Слышишь? Рус?

Полина приподнялась на локте, взглянула на Руслана. Он крепко спал.

«Ну, ладно, – подумала Полина, – отдохай. Надо бы и мне поспать».

Однако то ли сказалось то, что Полина дремала всё утро в машине, то ли возбуждение было сильнее, но сон не шёл. Она прислушивалась к возне «грибных эльфов», пыталась поймать обрывки их разговоров. А они ведь о чём-то шушукались, специально понижая голоса. Затем наступила тишина. Длилась она недолго, как вдруг Полина услышала, что к их палатке кто-то направился быстрым, решительным шагом. Подошёл. Взял за язычок молнии. Расстегнул.

В палатку всунулось бородатое лицо Морфиуса:

– Полина, выходи. Тимьян ждёт тебя. Он должен сказать тебе нечто очень важное.

Подготовка к инициации

«Вот оно! На этот раз – точно оно!»

Полина без колебаний покинула палатку. Она подошла к костру, где всё так же безмятежно сидел Тимьян и смотрел в огонь. Морфиус стоял рядом, сосредоточенно о чём-то думал. Полина прошла мимо него, села на бревно напротив Тимьяна. Она решила дожидаться, что скажет ей этот белокурый обитатель лесов. А пока Полина внимательно наблюдает за Тимьяном, стоит ознакомиться с ещё одним крайне интересным эпизодом, произошедшим этим же днём в Москве.

Двое сидели на скамейке в тени высокого дерева. Двое. Первый – седовласый старик с пронзительно голубыми глазами и забинтованной под рубахой грудью. Вторая – женщина лет сорока, выглядевшая гораздо старше из-за сильного истощения. Оба они чувствовали себя не в лучшей физической форме, притом прекрасно понимали, что их внутренние силы огромны и почти равны. По крайней мере, здесь и сейчас. Окружающие прохожие, сами того не понимая, ощущали незримую мощь, исходящую от этой пары. Они кидали на неё короткие взгляды, прерывали свои разговоры и шли с непонятным чувством растерянности и беззащитности. Как будто им виделся тот самый страшный сон, в котором они, снова юные, сдавали ненавистные выпускные экзамены, с треском их проваливая. Но сила, растекающаяся от старика и дамы, вовсе не была злой. Скорее, она была умеренно равнодушной, выжидающей...

Митрич жевал длинную травинку ежи, непонятно откуда взявшуюся в центре Москвы. Он перебарывал только что услышанное. И, надо признаться, тут было над чем поразмыслить.

Если бы всё это услышал человек эмоциональный, да к тому же, воспитанный на телевизоре, доверчивый, он бы принялся охать и ахать, активно жестикулировать, строить невероятного рода выводы. Если же слушатель оказался бы сухим материалистом, выдержанным в строго очерченных ещё советской школой рамках, он, скорее всего, поводит бы для Лолы пальцем у своего виска, да пошёл прочь. Ну, а если бы тут рядом с ней оказался врач-психиатр, он наверняка бы поддержал разговор, записывая отдельные фразы в свой блокнот, чтобы использовать потом в своей докторской.

Но в том-то и дело, что слушателем Лолы в данный момент был, не наивный простофиля, не консервативный материалист и не дотошный психиатр. Этим слушателем в данный момент являлся Фёдор Дмитриевич Воронцов.

Старик жевал травинку, поглядывая по сторонам. Лола терпеливо ждала, понимая, что даже человеку такого уровня, как этот, необходимо время, чтобы сориентироваться для последующего диалога. Наконец, Митрич сказал:

– Почему же вы не сообщили всё это Руслану?

– Психополе. Руслан, конечно, не дурак, но контролировать свою психическую энергию, увы, не умеет. Это элементарные меры предосторожности. Он получил от меня ровно столько информации, сколько необходимо для того, чтобы помогать Полине. И справляется он со своей задачей пока отменно.

– А эти двое из леса?

– Вы про Тимьяна? Здесь тоже всё чисто. Он видел меня во сне. Он не знает, кто я и что я. Он не вызовет возмущений. Для него я – обитатель снов.

– Ну, про меня-то мы уж промолчим, полагаю...

– Разумеется, Фёдор Митяевич. Вы – просто находка для меня.

– Как и вы – для меня, впрочем.

– Ладно. Будем считать, что наши интересы совпадают. Вы хотите спасти девушку и её близких, а я хочу поймать беглого преступника. Объединим усилия. А всё-таки, Фёдор Митяевич, вас не поразил мой рассказ?

– Лишь немного. И только в том месте, где вы говорили о низкой интенсивности вашего внимания к нам. Я-то, старый, думал, что оно куда как более тщательное.

– Гуманоиды – не самое интересное в галактике. Гораздо интереснее нейромашин. Покажите человеку, пусть даже с отменным воображением, кусок засохшей грязи или красивый минерал. И он найдёт на его текстуре десятки рожиц. Рожиц, понимаете? Но, если показать это нейромашине... Впрочем, обо всём этом после. Хотя я и не имею права рассказывать вам об этом. Но в рамках, так сказать, особого случая...

– Действительно, давайте ближе к делу. – Митрич, наконец, выплюнул травинку. Получилось вульгарно, но с преданием разговору деловой нотки. – Значит, вы говорите, экзалтум?

– Он самый.

– Я слышал о нём. Его используют некоторые шаманы Востока в своих практиках. Но это ведь очень опасно, не так ли?

– Опасно. Но это единственный шанс. Вы, Фёдор Митяевич, представить себе не можете, какой труд я проделала за эти дни, чтобы подготовить встречу Полины и Тимьяна. Да ещё и так, чтобы ОН не догадался, считая промысел своим. Хотя он чувствует неладное, бесспорно. Я постоянно ощущаю на себе его сканирование. Он чует меня. Он ищет меня. Но защита пока надёжна, простой боевой форме её не преодолеть. Если только я сама не сделаю ошибку. И именно поэтому мне пришлось идти на всевозможную клоунаду, писать кирпичом на стенах, рисовать лишние знаки на автомобилях, рассылать депутатские письма, подкидывать провинциальным живоде́рам внезапных клиентов, рассчитывая на возвращение старых долгов. Подумать только, этот Василич тоже оказался одной из ключевых фигур...

Вы уж простите меня, Фёдор Митяевич, за тот случай в подворотне, но я не могла вмешаться. Он действительно хотел вас устранить, он понял, кто вы. И что вы гораздо сильнее, чем он предполагал. Но Полина молодец, быстро сориентировалась. Да ещё и ситуация располагала нужными людьми. Этот Александр, он же военный, воевал в горячей точке. Потом, там, в ресторане, я долго пыталась дать им сигнал, но не решилась. Слишком велик был шанс моего обнаружения через того же Александра, чьи навыки в сокрытии эмоций на уровне психики ничтожны.

– А что в этом случае произойдет?

– Он может переиграть все правила своей так называемой игры. Например, уничтожить Игоря. Это, в свою очередь, нанесёт страшный удар по Полине. И она не выстоит в битве. А это означает, что его логика сработает в его пользу. А этого уже нельзя допустить никак. Для нас необходимо, чтобы Полина победила его. Сама. Мы с вами – лишь кратковременные помощники. Последнее слово будет сказано ею.

– Сложно у вас всё... Впрочем, я в ваши дела не лезу. Понимаю, что другой уровень. Однако... Как он так ловко всё просчитал?

– Здесь нет ничего для нас сложного. Немного математической статистики, немного поиска, немного везения и немного усилий. Результат готов, образуется поле. Ловец человек приступает к игре. Со стороны всё это кажется нелепыми совпадениями, но нет, всё просчитано и продумано досконально. А вы – так вообще дополнительный бонус! Ведь таких, как вы, сейчас на Земле всего трое, в России – один вы. С теми не сходилась, с вами сошлось.

Митрич бросил на Лолу пристальный, немного ироничный взгляд:

– Позвольте полюбопытствовать, раз выясняются такие подробности, где же живут остальные двое?

– Один в Китае, другой, точнее, другая, в Исландии. И ей пока только восемь. Но выбор пал на вас. Но, повторюсь, вы – лишь второстепенная цель, так сказать, до кучи. К тому же, оказавшаяся ему не совсем по зубам.

– А вас он ждал в качестве супер бонуса?

– Разумеется. Он знал, что по его следу пустят ищек. Для него моё появление – вопрос времени и моей ошибки. Но с вами он хотел потягаться раньше, ему это интереснее. Так что, сочтите это за честь. Я предполагаю, что он выбирал поле для игры даже из нескольких планет, если не десятков.

– Польщён, – процедил Митрич.

Помолчали. Лола полезла в потрёпанную миниатюрную сумочку (Митрич, взглянув на неё, решил, что Лола нашла сей предмет женского туалета на помойке), вынула оттуда охапку тополиных листьев. Следом появился кусочек пенопласта. Засунув всё это в рот, Лола принялась аппетитно жевать. Поймав удивлённый взгляд старика, она пояснила:

– Не обращайтесь внимания, я немного модифицировала своё временное тело, в том числе и пищеварительную систему. Могу употреблять в пищу практически любую органику растительного или животного происхождения, ну, и некоторую синтетическую. Все эти дни моё тело безумно хочет есть, а на рестораны денег-то нет... А вы не желаете перекусить? Мы могли бы зайти в кафе, вы бы меня угостили...

– У меня диета. Мне сейчас только кашку можно, да и то специальную. Да и не дадут мне. Я и так еле-еле вырвался из больницы, выпросил буквально час-два, сейчас будут заворачивать обратно, – Митрич сухо засмеялся. – Гляньте, вон на той лавке молодой человек читает газету. Это мой ангел-хранитель...

– Да знаю, знаю, – отмахнулась Лола.

– Ну, конечно, от вас такое не утаишь.

– Я надеюсь, вы им скажете, чтобы они за мной не следили? Это всё равно бесполезно.

– Скажу уж как-нибудь. Если послушают...

Но Лола, похоже, не сильно волновалась на этот счёт. Она повернулась к Митричу и, внимательно глядя в его глаза, заговорила:

– Послушайте, Фёдор Митяевич. Давайте с вами договоримся. Я уверена, что Полина решится на приём экзалтума. Но клиническая смерть – не шутки. Я думаю, что она сделает это в медицинском учреждении, том самом, где работает Руслан. Ну, и где лежала та женщина, с которой вы сейчас разговариваете. Я буду там уже завтра с утра. Думаю, и вам стоит подтянуться. Кто знает, как поведёт себя Полина в состоянии деблокировки? Ей может понадобиться наша сила.

– Я понимаю вас... Но вы уверены, что завтра?

– Увы, нет. Скажем, я буду там дежурить и вызову вас немедленно. У меня есть мобильный телефон, вы это знаете.

– Не буду уточнять, откуда... Наверное, заряжается любой органикой?

– Почти. Неорганикой, – улыбнулась Лола.

– Вы его купали?

– Это неважно, он чист. А если вас интересует, откуда я узнала телефон доктора... Это было несложно. Я прошла по следу кареты скорой помощи, определила больницу, в интернет-кафе узнала о персонале, позвонила в справочную... В общем, рутина. Ваш телефон оказался засекречен гораздо надёжнее.

– Запишите мой номер... – Митрич достал из кармана бумажку и накарябал на ней карандашом несколько цифр. – Не стоит беспокоить доктора.

Он протянул бумажку Лоле.

– Вот и отлично. Тогда – по коням? Так у вас говорится?

– По коням, – засмеялся Митрич, но скривился от боли. Недавнее ранение в лёгкое всё ещё давало о себе знать. Покряхтев, он спросил: – Лола, а что вы собираетесь делать с этим телом после того, как... ну... всё решится?

– Что делать? А что тут можно сделать? Дать бедняге второй шанс. Ведь именно так называется то чудесное заведение?

– А разве это возможно?

– Посмотрим. Её сознание пребывает в том же измерении, где и сознание Игоря, и где скоро окажется наша Полина. Это ещё не конец, возможен возврат. И нам остаётся надеяться только на лучшее. На то, чтобы они все оттуда вернулись, раз уж возник такой форс-мажор. ТАМ, – она сделала паузу, – думаю, поймут.

– Ну, я-то точно понимаю вас, – кивнул Митрич. – Пойдёмте. Заодно договоримся о встрече в этом... «Шансе»... И кстати... Возьмите. Сходите в кафе, покушайте нормальной еды, – Митрич протянул Лоле денежную купюру в 5000 рублей.

Они поднялись и не спеша направились в сторону Тверской улицы. Сидящий невдалеке молодой человек в строгом костюме аккуратно сложил свою газету, направился вслед за ними.

Тимьян молчал, глядя в костёр. Наконец, он поднял глаза и произнёс:

– Ну, что же, здравствуй, герой.

– Герой?

– Или героиня?

– С чего бы так?

– А как же! Именно так тебя и велели называть. Герой. Почему, не спрашивай, сейчас всё сам объясню. Я ждал тебя. Здесь вообще к вашему приезду все немножко поднапряглись. Вроде, всё как обычно, но в то же время чувствуешь некий напруг. Тот же Прохоров, вон, что-то бегают, суетится... На него это не похоже. Нет, нет, я не хочу сказать, что он шестерит перед вами, мол, гости из Москвы... Он мужик волевой, даже начальство иногда посылает. Но видно, тоже что-то чувствует. И, как я догадываюсь, у вас есть своя легенда. Ведь вы не просто гости из Москвы?

– Верно, – спокойно ответила Полина.

– Я так и думал. Значит, не зря дежурю тут четвёртую ночь подряд в ожидании тебя, не считая эту. Ладно... Давай всё по порядку.

Тимьян задумчиво посмотрел в ночное небо, совсем непроницаемое для света звёзд из-за смога.

– Мы с Морфием, вовсе не грибные эльфы, как нас изволят величать. Я был раньше ролевиком, посещал их тусовки, мы варили отвары, ловили нирвану, перевоплощались, занимались групповым сексом... Молодой совсем был. Но потом я понял, что это не моё. Слишком много во всём этом было мистификаций, много наигранности. Хотелось простоты и душевности. И я стал искать просветлений в других областях. Примерно до две тысячи третьего года я искал разные направления, увлёкся одно время кришнаизмом, но, когда понял, что это всего лишь малая частица глубокой культуры, мне показалось, что тут нужна как минимум вера... Которой у меня не было. Я стал посещать тематические тусовки, разные, но от реконструкторов, например, снова тянуло играми, от клубов – химией, от интеллектуалов – скукой... Я не знал, как себя реализовать...

– А на что ты жил? – поинтересовалась Полина.

– Да так, по-разному. Когда всегда в тусовках, деньги откуда-то находятся. Плюс временный заработок. Системным администратором был в одной компьютерной конторе, в магазине долгое время помогал корешу, деньги какие-никакие, но водились. Вот о серьёзной работе я точно не задумывался, мне всё время хотелось чего-то яркого, необычного. С бабами... прости, с девушками тоже не везло, какие-то разовые встречи бывали, но меня

это не цепляло, хотелось найти единомышленника. И даже такую, чтобы сама заразила меня какой-то идеей, предложила свою жизненную стезю, которую бы я принял. В общем, так и мыкался. Пока однажды со мной не произошёл удивительный случай.

Как-то раз я пришел домой в свою старую питерскую квартиру далеко за полночь, буквально падал с ног от усталости. Грузил товар в магазине, как сейчас помню. Грохнулся в постель и заснул. Утром меня разбудил звонок телефона, директор что-то напутал и стал пытаться меня о количестве какой-то грёбаной крупы... Мурыжил меня полчаса наверное, пока у него там что-то не сошлось. В итоге, когда я положил трубку, спать уже не хотелось, но было обидно, что этот старый лысый дурак лишил меня ещё пары часов сна. И назло ему я поставил себе цель. Решил во что бы то ни стало заснуть. И я заснул. И ты представляешь, Полина, я внезапно во сне осознал, что полностью контролирую свой сон! Это потом я уже узнал, что есть специальные техники, об этом написаны книги, что многие практикуют осознанные сны, ну, или осы, как мы их называем. Но тогда в тот момент я был потрясен этой новой безграничной вселенной.

И я стал практиковать ос. Нашел в интернете форумы, где познакомился с такими же погруженцами, встречался с ними в реале. Некоторые практиковали так называемые потоки, когда создавали общий ос и подключались к нему. Но я, сколько не пробовал, так толком и не понял, как это работает. Зато в ходе всего этого, вот, с Морфием познакомился... Слушай, а чего ты стал как вкопанный, садись.

Морфиус подошёл к бревну и, сев на него, заметил:

– Тим, ты всё-таки уверен?

Тимьян помолчал, затем произнёс:

– А что, у меня есть выбор? Всё случилось именно, как она и говорила.

– Кто говорил? – не поняла Полина.

Тимьян махнул рукой:

– Тот, кто замутил всю эту историю.

«Нет! – пронеслось в мозгу у Полины. – Инвайдер! Значит, всё это – опять продолжение его игры! А, собственно, чьей же ещё? Нет, стоп. Что значит, „она говорила“? Почему „она“?»

Тимьян взглянул на палатки, откуда доносились два разных, но ритмичных храпа.

– Морфий, ты там с дозой не переусердствовал?

– Нет.

– Чего? – опять насторожилась Полина.

– Я дал им снотворное, – спокойно сказал Морфиус. – Они могли бы помешать нашему разговору.

Тимьян, видя, как глаза Полины округлились, поспешил её успокоить:

– Э-э, всё нормально, подруга! Они поспят немного и всё. Просто, ну, понимаешь... Я должен тебе кое-что сказать... показать... А они могут это неправильно истолковать, станут препятствовать. А я не хочу рисковать.

– Так, Тимьян! – Полина чувствовала, как колотится её сердце, но откуда-то взялись силы и мужество. – А ну, давай выкладывай всё, что должен, и не тяни резину!

– Правда, Тим, – заметил Морфиус, – хватит юлить. Заварил кашу, давай, уж. Раз уверен. А то ты ей ещё расскажи, как девственность терял, да поподробнее...

– Хорошо, хорошо... – Тимьян и сам нервничал. Но что было причиной этой нервозности, Полина пока не знала.

– Слушай, Полина... Я не зря про эти сны сказал, так ты лучше меня поймешь. Дело в том, что когда часто практикуешь осы, они могут случаться сами, порой неожиданно. Так и вышло двенадцатого. Я не спал в ночь, а днём отрубился, проспал до вечера и, незадолго до пробуждения поймал ос...

Но не свой. Чужой. Я прекрасно осознавал себя, полностью контролировал свои действия, но не мог воздействовать на вселенную. Я видел пустыню и бензоколонку с кафе. Сзади я почувствовал чьё-то присутствие. Я повернулся. Там стояла женщина лет сорока, худая, одетая в больничную пижаму. Но от неё шла такая мощь, что я испугался... Впрочем, испугался я даже не этого, а рамки вокруг женщины... Вообще, среди нашего брата есть определённые правила поведения. Например, многие боятся смотреть в зеркала.

– Почему? – спросила Полина. Её страх понемногу отступал.

– Мозг, находясь в состоянии ося, подчиняется твоим желаниям. Но он не знает, что отображать в зеркале, ведь ты же напрямую не указываешь ему, что там должно быть твоё отражение. Ты, вроде как даёшь ссылку, некий выбор, точно не определяя предметы отражения. Вот он и рисует что-то, отдалённо напоминающее контур человека. Но часто можно увидеть там чёрти что, например, так называемый, лик смерти.

– А что это?

– Да у всех по-разному. Какие-то жуткие образы, это действительно страшно. Мозг пугается, а ты уже подчиняешься своему мозгу. Но не это самое страшное, что можно увидеть в зеркале. Есть кое-что ещё, о чём ходят жуткие легенды. Самое страшное – это увидеть в зеркале бездну. Помнишь, как у Ницше-то было?

– Не очень... А как это – бездну?

– Вместо размытых очертаний себя, погруженец в зеркале не видит ничего. То есть, вообще ничего. Абсолютная тьма несуществующего ничто. И оно поглощает. Человек чувствует, как нечто начинает высасывать его разум, одновременно накатывает волна сильнейшего неконтролируемого ужаса, становится физически больно. В этот момент мозг разрушается, а погруженец просыпается, если просыпается вообще, уже без извилин. Говорят, бездну видят раз на тысячу или даже на десять тысяч погружений. Некоторые не верят. Но я знаю, что в шестом году один из новосибирской тусовки бездну словил... Хоронили через полгода – полное разрушение нервной системы.

– Какая жуть. Может, тогда не стоит этим вообще заниматься?

– Ну, что ты, девочка, – засмеялся Тимьян. – Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. И потом... Просто следуй простым правилам. И всё будет в порядке.

– А как вы определили, что это была именно бездна? Ну, у того несчастного? И откуда вы вообще знаете о ней, если все, кто видел бездну сходят с ума?

– Были случаи, когда погруженцы вырывались. Чисто случайно их будили в момент всасывания. Им повезло. Некоторые, правда, успели слегка тронуться умом, но всё же более-менее связно рассказали о своих ощущениях. Так сей феномен и был определён. Дальше была статистика, сопоставление фактов, анализ, разборы случаев смерти в осознанных снах... В течение всего прошлого века изучалось. Таким образом, опытным путём и установили, что есть бездна и что она коварно поджидает неопытных погруженцев. Лично я смотрелся в зеркало всего один раз, думал, что это необходимо, ну, как пройти крещение огнём, что ли... Ничего не увидел, кроме какого-то нелепого розового пятна, – Тимьян засмеялся. – Но больше не тянет. Однако в этот четверг я стоял определённо перед зеркалом, в котором видел ту самую женщину. И она начала говорить. Она рассказала мне о тебе, что это – твой сон, что я сейчас тебя увижу, чтобы запомнить. И что в скором будущем я должен буду встретить тебя в реальной жизни. И должен буду тебе кое-что передать...

– И что же это такое? – нахмурилась Полина.

– А ты вспомни.

Полина принялась вспоминать свои сны, но ей, как назло, ничего толком не вспоминалось.

– Не, Тимьян, не помню. У меня, вообще, плохая память на сны. Вот, хоть убей.

Тимьян улыбнулся:

– А гигантские пассатижи помнишь?

Полина с секунду молчала, а потом вскрикнула:

– Точно! Автозаправка! И кафе! И кролик там ещё был!

– Всё верно. А меня вспомнила?

Полина вспомнила. Фигура человека в тёмном плаще с вырывающимися из-под капюшона белыми прядями, глядящая то на неё, Полину, то – на растопыренную ладонь своей руки. Ей уже не надо было напрягать память: сон вырвался из небытия, предстал перед ней во всех своих деталях.

– Я помню, ты тогда произнёс: «Экзалтум...»

– Именно так, – резюмировал Тимьян. – Я произнёс именно это слово.

Наступило молчание. Полина с интересом ждала продолжения разговора, но «эльф» не спешил.

Морфиус же принялся возиться с кружкой и кипятком, который незаметно подогрел в перепачканном сажей металлическом чайничке.

– Полина, – резко сказал Тимьян. – Та женщина назвала тебя героем. Она сказала, что ты окажешься на этом месте в ближайшие дни, и велела мне отдать экзалтум тебе. И ещё сказала, что только он сможет дать тебе шанс на спасение. Поверь, я не знаю, что именно с тобой стряслось, но те, кто подобно мне испытывал контакты такого рода, в пояснениях не нуждаются. Я отдам тебе экзалтум, но сперва ты должна пройти инициацию. Иначе он попросту убьёт тебя. Это необходимо.

– Конечно, – горько усмехнулась Полина. – Я давно уже делаю то, что необходимо. И что это за инициация такая? Надеюсь...

– Нет, нет, ничего страшного. Всё, что ты должна сделать – это выпить нашего отвара. Поверь, он безобидный, просто, немножко стимулирует психическую активность. Ты как бы заснёшь, но это будет не совсем сон. Скажем так: путешествие в некоторые уголки собственного подсознания.

– Ясно. Наркоту какую-то хотите...

– Да не наркота, – быстро перебил её Тимьян. – Лёгкий стимулятор на основе местной растительности.

Видя, что Полина колеблется, Тимьян заговорил ещё энергичнее:

– Полина, клянусь тебе, пока будешь в трансе, никто тебя пальцем не тронет. Последствий никаких. Просто забавное путешествие. Понимаешь?

– Понимаю...

– Мы будем рядом, аскорбинка у нас есть, она мигом снимает эффект, если что. Да и трезвяк-трава наготове, уж ей-то мы и не в таких случаях... э... вытаскивали. Но я уверен, всё будет нормально.

Подошёл Морфиус, держа в руках горячую кружку. В ней плескалась тёмная коричневая жидкость. Он протянул её девушке. Полина смотрела на неё, никак не решаясь принять.

– Хорошо, – наконец сказал она. – Я выпью эту гадость. Сколько будет длиться приход?

– Да не приход! Ну что у тебя за терминология, – Тимьян хотел казаться спокойным и беспечным. – Это стимулятор. Всё, что ты увидишь, ты таишь в себе. А этот отвар лишь позволяет раскрыть эти тайны в вымышленных образах.

Он взял кружку, понюхал содержимое. Посмотрел на Морфиуса, хотел что-то ему сказать, но махнул рукой:

– Полина, решайся. Это неизбежно, если хочешь использовать экзалтум. А ты должна его использовать, и не мне это решать...

Полина смотрела на кружку. Должна... Опять ей навязывают чужую волю. Она находится в лесу в компании двух малоизвестных типов с эзотерическими наклонностями. Со знаком третьей печати на лбу у одного из них. Её близкий друг храпит в палатке под

действием снотворного. И сейчас ей нужно выпить какую-то дрянь. А потом использовать ещё и какой-то экзалтум. Но, с другой стороны, как объяснить тот сон? Ведь Тимьян всё рассказал верно. Но что за женщина беседовала с ним? О, боже!

Полина вскрикнула, инстинктивно зажав рукой рот:

– Я знаю! Знаю!

– Что знаешь, – почти в оба голоса спросили «эльфы».

– Я знаю, кто говорил с тобой! Это же Друзь! Тьфу, то есть, Грузь!

– Груздь? – не понял Тимьян.

– Да не груздь, а Грузь! Фамилия такая. Это женщина, которая...

Полина замолчала. Она обвела взглядом своих собеседников.

– Ребята. Я согласна выпить это. Но с условием. Что в течение ближайших десяти дней вы ни с кем не обмолвитесь об этих событиях.

Парни переглянулись. Тимьян (все-таки в их компании он, похоже, был за главного) сказал первым:

– Клянусь природой!

– Клянусь матерью-землей! – добавил Морфиус.

Полина отметила, что их лица не выражали ни капли иронии. Сама же Полина чувствовала, что с неё свалился огромный камень. Ведь, если Тимьян выполнял волю той странной женщины, значит, он на её стороне! На нашей стороне!

– Итак, что надо делать?

– Для начала приляг на спальник, вот сюда, – Морфиус указал на спальник, который он положил невдалеке от костра. Полина выполнила эту просьбу.

Тимьян подошёл к ней и сказал:

– Полина, ты должна сказать какое-нибудь хитрое слово, вокруг которого будет построен воображаемый мир.

– Слово... – Полина замешкалась. – Я не знаю...

– Ну, что-нибудь такое, что ты слышишь очень редко в своей жизни. Может быть, даже, слышала всего один раз.

Полина наморщила лоб (Марни в таких случаях тут же щёлкала её по лбу пальцами). Что же придумать? Какое такое слово? Может, что-то про лес?

Она прислушалась. Парни не мешали ей, спокойно ожидая, что она скажет. Шумел ветер в кронах елей. Волнами набегал приглушённый гул с шоссе или далекий перестук вагонных колёс. Шум самолётов. Со стороны болотца доносилось отчаянное кваканье лягушек. Что-то смутное зашевелилось в голове у Полины...

«Квакают, – подумалось ей. – Вот квакальники, ёпт, как бы сказал Василич... Квакальники... Квакеры... Северная Америка... Индейцы... Жидальго... От Мексики до Британской Колумбии... Слышала один раз...»

И тут она вспомнила название индейского племени, о путешественнике из которого рассказывал Вячеслав. Имя самого индейца стёрлось из её памяти, но название племени буквально вырвалось наружу, и Полина почти выкрикнула его:

– Квакиутли!

– Ого! – Тимьян улыбнулся. – Мудрёное слово, не слышал. Но пусть будет оно. Держи.

И он подал ей металлическую кружку с отваром. Полина сделала три глотка, выпив всё содержимое. Отметив при этом, что по вкусу это был самый обыкновенный чёрный чай.

Выход зверя

– Да ты не бойся, глюки, они интересные. А в твоём случае ещё и полезные. Расслабься. – Тимьян поставил пустую кружку на землю, когда Полина закончила пить. Подкладывая под её голову сложенное одеяло, он добавил уже откуда-то из обволакивающей девушку сгущающейся неопределённости:

– Да помогут тебе лесные духи и мясные мухи!

Тимьян, конечно, знал, что одного слова недостаточно. Поэтому слегка скорректировал его. Что ж, не стоит недооценивать профессионала.

Полина поняла, что отвар начинает действовать. Образы беловолосого парня и его бородатого товарища таяли, пока окружающая действительность не сменилась действительностью виртуальной.

Сначала Полина увидела детскую комнату. За окнами опустилась ночь, окутав вселенную тишиной, лишь изредка нарушаемой проезжающими где-то вдалеке грузовыми автомобилями (именно грузовыми, причём, марки «ЗИЛ», это Полина осознала предельно чётко). В уютной кровати засыпала маленькая девочка, обняв руками свою любимую куклу Хлою с огромными глазами и пышной копной длинных светлых волос. Рядом на стуле сидела мама и читала детскую книжку с известными стихами Юлиана Тувима:

– Хозяйка однажды с базара пришла, хозяйка с базара домой принесла... Что принесла домой хозяйка?

– А я знаю! – воскликнула девочка. – Картошку, капусту, морковку, горох!

– А что ещё?

– Петрушку и свёклу! Ох!

Молодец, – похвалила мама и, как-то неестественно вывернув шею, обернулась в сторону Полины: – Ты всё слышала?

Полина задумалась, но ничего не ответила. На неё смотрела женщина лет тридцати пяти в строгих очках, с аккуратной чёлкой, немного тронутой сединой. Она едва заметно улыбнулась, снова повернулась к дочке, продолжив читать:

– Вот овощи спор завели на столе – кто лучше, вкусней и нужней на земле?

Девочка подхватила и вновь начала перечислять купленные ингредиенты.

– Ох! – закончила она.

– Хорошо, – резюмировала мама и опять обернулась на Полину. Но на этот раз на девушку смотрело не лицо доброй матери, а напортив, скалилась злобно-хищная гримаса ухмыляющегося зверя. Злорадная улыбка настолько исказила черты женщины, что Полине она показалась совсем другим человеком, нежели веденным несколькими секундами раньше.

– Хозяйка тем временем ножик взяла... – глядя в глаза Полине, зловеще прошептала мама. И затем резко хлестнула: – И ножиком этим крошить начала!

Тёмный фон за окном разорвал сполох молнии, осветив стены из кроваво-красного камня, сжимающих в свои тиски комнату всего в нескольких метрах напротив окна.

– Картошку! – Голубые обои с белыми облаками рассыпались, будто от удара молотом, обнажив глубокий каменный колодец, на дне которого и стояла детская кровать.

– Капусту! – Прогремел гром.

– Морковку! – Воздушный вихрь подхватил Полину и понёс вверх, в пучину неизвестности.

– Горох! – Оглушительно рывкнули грозовые тучи прямо над головой девушки. Она летела вдоль бесконечной кирпичной стены, вздымающейся из бездны и уходящей прямо в жерло водоворота, в котором закручивались тучи и сверкали молнии. Вместе с Полиной

вокруг кружились детские игрушки, одежда, кусочки разорванных обоев, а также ингредиенты злосчастного супа.

– Петрушку и свёклу!

– Ох... – простонала Полина. Она рухнула на холодный пол и всё стихло. В резко наступившей тишине слышалось, как горят, потрескивая, факелы, да семян лапками, попискивая, крысы.

Девушка поднялась и огляделась. Место, в котором она оказалась, не предвещало ничего хорошего.

Полина обнаружила себя в тесном восьмигранном помещении, стены которого, сложенные из крупного красно-коричневого камня, громоздились метров на десять вверх. Оттуда сверху свисали ржавые цепи с крюками, верёвки, кандалы. Во многих из них болтались белые кости...

В одном конце комнаты располагалась массивная дверь из кованого железа, в другом начинался низкий коридор, скоро поворачивающий направо. Пол под ногами разрезался неглубокими желобками, стягивающимися к ржавым решёткам. В том, что это были кровотоки, Полина не сомневалась: почти весь пол покрылся коркой засохшей крови. Её пятна находились и на стенах помещения. В воздухе же стоял тяжёлый и отвратительный запах гниющего мяса.

Полина направилась в коридор, осторожно ступая и стараясь не угодить в липкие кровавые лужи. Повернув направо и спустившись по ступенькам, она едва не поскользнулась: что-то омерзительно лопнуло прямо у неё под ногами, брызнув капельками вонючей влаги. Этим чем-то оказалось набухшее продуктами гниения глазное яблоко.

Полина спустилась в длинную комнату, вдоль обеих стен которой тянулись две длинные каменные ванны, наполненные кровью. В них плавали куски мяса, оторванные конечности и почему-то кроссовки. Полина приблизилась к ванне справа и заметила, что на подошве одной из кроссовок написано: «Made in Canada».

– Бред какой-то... – проговорила Полина, отметив однако, что вид такой жёсткой «расчленёнки» не вызывает у неё особенного ужаса. Параллельно с этим она отметила, что вокруг, как ни странно, нет ни одной мухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.